

И-60
АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

На правах рукописи

ИНДЖИКИН ОГАНЕС ГРИГОРЬЕВИЧ

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ
ИНОНАЦИОНАЛЬНОЙ БУРЖУАЗИИ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

(вторая половина XIX столетия -
конец первой мировой войны)

Всеобщая история - 07.00.03.

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

диссертации, представленной на соискание
ученой степени доктора исторических наук

Москва - 1974

Работа выполнена в Институте востоковедения АН Армянской ССР.

Официальные оппоненты:

1. Доктор исторических наук, профессор А.М. ШАМСУТДИНОВ
2. Доктор экономических наук, профессор Х.Г. ГУЛАНЯН
3. Доктор исторических наук, профессор Г.Ф. КИМ

Внешний отзыв научного учреждения – Московский областной педагогический институт им. Н.К.Крупской.

Автореферат разослан "...". .....1974г.

Защита диссертации состоится "...". .....1974г. на заседании Ученого Совета Института востоковедения АН СССР (Москва, Центр, Армянский пер., 2).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института.

Ученый секретарь
Института востоковедения АН СССР,
кандидат исторических наук

СЕЙРАНЯН Б.Г.

Экономическая история Османской империи весьма сложна и недостаточно изучена. К числу наименее разработанных проблем относится становление капиталистических отношений и многонациональной буржуазии. Именно этой области посвящена данная диссертация, целью которой является исследование особенностей процесса зарождения и дальнейшего развития капиталистических отношений в экономике страны, главным образом вопросы становления инациональной – греческой, армянской и еврейской – буржуазии, прежде всего малоазиатских территорий. В необходимой степени, для сравнения уровня развития национально различных групп, показана их взаимовлияния и взаимных связей, освещаются отдельные стороны формирования турецкой, арабской и балканской буржуазии. При этом задачей диссертации является не полное, систематическое изложение истории отдельных групп многонациональной буржуазии империи, а выявление тех общих особенностей формирования и развития инациональной буржуазии, которые определили ее влияние на экономическую жизнь страны во второй половине XIX и в начале XX веков, до крушения империи.

К их числу относятся: влияние турецкого феодального строя на развитие капиталистических отношений; роль османского государства, его военно-бюрократической верхушки, его политики, а также мусульманской религии и шариата, постоянно воздействовавших на ход развития всей страны; культурно-экономическое отставание турок от христианских народов и отражение данного явления на формировании и развитии как собственно турецкой, так и инациональной буржуазии империи; значение национальной политики правящих кругов для означенных процессов; место и роль национально различных отрядов буржуазии в экономике страны; влияние иностранного капитала на формирование капиталистических отношений и развитие буржуазии Османской империи.

Диссертант руководствовался марксистской установкой и указанием Л.И. Брежнева о том, что "действия общих законо-

мерностей проявляются в различных формах, отвечающих конкретным историческим условиям, национальным особенностям" (Отчетный доклад ЦК КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза, М., 1971, стр. 6).

Выводы и обобщения основаны на материалах, характеризующих особенности развития вышеуказанных трех групп инациональной буржуазии.

Существование и развитие многонациональной буржуазии в условиях Османской империи раскрывается в четырех главах диссертации и заключении. Во введении дается обоснование темы и обзор основных источников и литературы.

Проблема становления буржуазии Османской империи еще не стала объектом специального исследования. Правда, мы располагаем книгой Д.И.Вдовиченко "Национальная буржуазия Турции" (М., 1962), но она посвящена изучению только собственно турецкой буржуазии, главным образом в "период после второй мировой войны" (стр. 6). История формирования буржуазии Османской империи является таким образом, пробелом, который не могут восполнить и такие интересные работы, как исследование Ю.Н.Розалиева "Особенности развития капитализма в Турции" (М., 1962) или "Государственный капитализм в Турции" (М., 1970) И.В.Алибекова. В этих, как и в других исследованиях на аналогичную тему, имеются лишь фрагментарные экскурсы к истокам развития капитализма в Турции и формирования буржуазии. Надлежащего социально-экономического анализа развития капитализма и многонациональной буржуазии империи мы не наблюдаем также в работах зарубежных, в частности турецких, историков, в том числе в изданной на болгарском языке книге турецкого марксиста Халиса Окана "Развитие капитализма в Турции" (София, 1961), в оригинальных трудах прогрессивных турецких авторов: Й.Сертеля о прогрессивных общественных течениях и проблемах развития Турции, Д.Авджиоглу об общественном строе Турции, И.Джема о причинах экономической отсталости Турции, посвященном истории рабочего класса Турции исследовании К.Фи-

шеке и многих других¹. Наличие общих трудов по истории страны и известных точек зрения относительно условий развития капиталистических отношений в полукOLONиальной Османской империи обязывало диссертанта более детально исследовать внутренние процессы развития, выявлять имевшиеся закономерности рассматриваемого процесса. Это было особенно сложно потому, что статистики в Турции не существовало. Поэтому пришлось целое десятилетие создавать фундамент с учетом указания В.И.Ленина, что надо брать "не отдельные факты, а всю совокупность относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, без единого исключения", чтобы была "объективная связь и взаимозависимость исторических явлений..." (Полн. собр. соч., т. 30, стр. 351).

В течение длительного времени инациональная буржуазия играла ведущую роль в экономической жизни обширного государства. Развитие основных отраслей производства, ремесел и торговли в значительной мере было связано с ее деятельностью. Разумеется, не все слои инациональной буржуазии боролись за утверждение капиталистических порядков. Наряду с турецкими и другими феодалами - мусульманами, военно-бюрократической кастой, опорой султанской власти были верхние слои инациональной буржуазии, помещики и чиновники - представители христианских народов. Греческие фанариоты, армянские эмиры и еврейские банкиры десятилетиями и веками финансировали мероприятия османского военно-феодального государства. Естественно, освободительная борьба покоренных народов была направлена против всех перечисленных слоев "османского" общества, против ненавистного режима и его опоры. Не касаясь этой стороны вопроса, ясного и бесспорного, в диссертации основное внимание уделено тем слоям крупной, средней и мелкой буржуазии, кото-

¹ У. Сертел, *Türkiye'de ilerici akımlar ve kalkınma davamız*, İstanbul, 1969; Доған Авцаоглу, *Türkiye'nin Düzeni* (Dün, Bugün, Yarın), Cilt 1-2, Ankara, 1969; Исмаил Сем, *Türkiye'de geri kalmaşlığın tarihi*, İstanbul, 1971; Куртхан Фишек, *Türkiye'de kapitalizmin gelişmesi ve işçi sınıfı*, Ankara, 1969.

рые были активными носителями новых отношений. Показ самого процесса становления буржуазии затруднен ввиду отсутствия не только статистики, но и обобщающих данных и специальных исследований. Но этот пробел частично восполнен фактологическими материалами, подтверждающими обобщения и выводы работы. На основании тщательно проанализированных данных мы попытались показать, что наряду с крупными городами и прибрежной полосой в изучаемый период буржуазия формировалась и в глубинных районах страны, и на ее окраинах. В диссертации суммированы те факты и явления, которые определяют направление деятельности, "специализацию" национально различных групп буржуазии в экономике империи. По возможности систематизированы материалы и составлены отдельные таблицы, выявляющие долю их капитала и его участия в той или иной отрасли хозяйства. На первом этапе изучения проблемы определены основные периоды формирования и развития многонациональной буржуазии Османской империи. Более детальная разработка истории отдельных ее групп — задача будущего. Даже располагающие большими возможностями турецкие историки и социологи, такие, как Д.Авджиоглу и др.; при доказательстве своих выводов вынуждены удовлетвориться пока отдельными конкретными примерами и фактами. Полный охват всех сторон деятельности многонациональной буржуазии империи, видимо, будет возможен только коллективными усилиями научных работников ряда стран, ибо история Османской империи, в конечном счете есть история всех входивших в ее состав народов.

Научно-методологической основой диссертации являются труды классиков марксизма-ленинизма по истории разложения феодального строя и становления капиталистических отношений и буржуазии, в том числе "Капитал" К.Маркса и "Развитие капитализма в России" В.И.Ленина. Особое значение для нашей темы имеют их анализ процесса первоначального накопления, их учение об аграрном вопросе, о "прусском пути" развития капитализма и его специфике в конкретных условиях Востока, в частности Турции; о так называемом "азиатском способе производства" и турецком феодализме; о роли иностранного капитала в общественно-экономической жизни стран Востока и в их зака-

балении; роли азиатской буржуазии в "пробуждении Азии". Не меньшее значение имеют их труды по национальному вопросу, дающие возможность вскрыть как прогрессивную роль турецкой буржуазии в борьбе против военно-феодалных порядков, так ее реакционную роль в социально-экономическом и политическом развитии угнетенных народов Османской империи, равно как и самих турок.

Кроме того, в изучении отдельных вопросов мы руководствовались основополагающими установками КПСС, Коммунистического Интернационала и коммунистических и рабочих партий. В диссертации использованы также произведения таких выдающихся революционеров, как Р.Люксембург, В.В.Воровский, Б.М.Кнунянц, А.Г.Зуратов и др.

Общие проблемы социально-экономического развития Османской империи и республиканской Турции разработаны в трудах советских туркологов. Среди них в первую очередь следует отметить капитальный труд А.Ф.Миллера "Мустафа-паша Байрактар" и его же "Краткую историю Турции" и "Очерки новейшей истории Турции". Особое значение для нас имели работы А.Д.Новичева "Экономика Турции в период мировой войны" (М.-Л., 1935) и "Очерки экономики Турции до мировой войны" (М., 1937). Важные обобщения по отдельным интересующим нас вопросам и значительный фактический материал содержат книги и статьи А.Алимова, Г.Астахова, А.В.Гурко-Кряжина, М.Павловича, Б.М.Данцига, Е.Ф.Лудшувейта, А.М.Шамсутдинова, В.Шпильковой, А.Хейфеца. Непосредственное отношение к нашей теме имеют работы И.Бутаева, А.Н.Валуйского, Х.З.Габидуллина, Э.Ю.Гасановой, А.Е.Еремеева, А.Д.Желтякова, Ю.А.Петросяна, Г.З.Алиева, Р.П.Корниенко, А.С.Тверитиновой, Е.К.Саркисяна, Г.М.Казаряна и других советских специалистов, посвященные социально-экономической истории Турции, общественным движениям и их идеологии.

Одним из наиболее разработанных вопросов, связанных с развитием капиталистических отношений, является аграрный. Он получил разностороннее освещение в работах Дм.Бакрадзе ("Исторический очерк турецкой системы землевладения", Тифлис, 1889), А.М.Колюбакина ("Материалы для военно-статисти-

ческого обозрения Азиатской Турции", Тифлис, 1888), Я.Д.Маламы ("Описание Эрзерумского вилайета", СПб, 1879), Р.И.Термена ("Отчет о поездке в санджак Хекиари Ванского вилайета в 1906 г.", Тифлис, 1910), Н.А.Ленского ("О правовом положении земле- владения в Турецкой Армении", П-г, 1916), Артура Руппина ("Современная Сирия и Палестина", П-г., 1919), Дикрана Арслениана ("Система сельского хозяйства в Османской империи", Л., 1932). Этим же вопросам посвящены специальные исследования А.Д.Новичева "Аграрный вопрос в Турции накануне кемалистской революции" (Записки ИВАН СССР, т.У.М., 1935); "Крестьянство Турции в новейшее время" (М., 1959), П.П.Моисеева "Аграрный строй современной Турции" (М., 1970), Е.К.Саркисяна "Аграрная политика османского правительства в Западной Армении во второй половине XIX в." (Ереван, 1957), А.Амбаряна "Аграрные отношения в Западной Армении"¹. Аграрным отношениям в Турции посвящено немало страниц в произведениях А.Алимова, И.Бутаева, Х.Габидуллина, Д.Завриева, Ирандуста и других советских востоковедов-туркологов.

Ценные сведения об экономическом развитии Османской империи содержатся в трудах таких дореволюционных авторов, как П.А.Чихачев, И.И.Голобородько, Г.Х.Инсаров, А.Тыркова, В.Викторов-Топоров, В.К.Лисенко, М.В.Кечеджи-Шаповалов, А.Н.Мандельштам, Т.Хитров; в статьях А.Тер-Арутюнова, В.Тотомянца, Атрпета, И.Флеровского и других.

Особое значение для диссертации имели материалы советских архивов. Неми использованы фонды Архива внешней политики России, Центрального государственного военно-исторического архива, Архива военно-морского флота, исторических архивов Москвы, Ленинграда, Грузии и Армении, а также рукописные фонды Матенадарана и Музея искусства и литературы Армянской ССР. Ценные сведения почерпнуты из различных сборников архивных материалов, мемуаров, путевых заметок, переписки и т.д. Не меньшее значение имеют данные русской и особенно армянской прессы, являющейся важным источником внутренней информации

¹ П.У.Համբարյան, Ազրարայի ճարտարությունները Արևմտյան Հայաստանում /1856-1914/, Երևան, 1965:

об Османской империи. Как правило, данные армянской прессы используются лишь при разработке истории армянского и частично курдского народов и совершенно не привлекаются при изучении истории Османского государства. Между тем армянская пресса — это неисчерпаемый источник для исследователя экономической жизни Турции изучаемого нами периода. Оно и понятно: за период от издания в 1794 г. в Мадрасе первой армянской газеты до установления Советской власти в Армении в 1920 г. в странах Азии и Африки издавалось 664 названия армянских газет и журналов, из коих в Османской империи — 557 (83,9%) (Библиография армянской периодической печати)¹. Это было обусловлено тем, что в состав Османского государства входила Западная Армения, и число армян составляло приблизительно 2,5 млн. человек (Е.Хатанесян, Численность армян)² при 10 млн. турецкого населения (Ханджян, География Османского государства)³. Отметим, что из 557 армянских газет 382 выпускались в Константинополе, 52 в Измире и 123 в других вилайетах⁴. Важно при этом, что армянская пресса была прессой угнетенного народа и, независимо от различных ее течений, отражала в основном требования буржуазного развития общества, критикуя феодально-деспотический режим и произвол, пропагандируя передовые формы производства и торговли, новые методы управления хозяйством, распространение науки и просвещения в широких слоях общества.

Экономическую жизнь страны освещали: "Торговая газета" ("Джередие тиджарет терджумеси"), выходившая в Константинополе в 1850-х годах, еженедельник "Бюраки", который издавался в 1906-1908 гг., а также печатавшиеся в Турции солидные ежедневные газеты: "Бюзандион" (осн. в 1896 г.), "Сурандак" (осн. в 1899 г.), "Даманак" (осн. в 1908 г.), "Азатамарт" (осн. в 1909 г.) и ряд других. Выпускались газеты и журналы под назва-

¹ Հայ պարբերական մամուլի մատենագրություն /1794-1967/, համահամար ցանկ, Երևան, 1970, էջ 14-15:

² Երվանդ Խաթանեսյան, Հայոց թիվը, Բոստոն, 1965, էջ 4:

³ Խանճյան, Աշխարհագրություն Օսմանյան պետության, Կ.Պոլիս, 1912, էջ 131:

⁴ Հայ պարբերական մամուլի մատենագրություն, էջ 15:

нием "Сокровище ремесел", "Эконом", "Руководство для торговцев", "Торговля", "Вестник земледелия", "Агроном", "Ежегодник агронома", "Крестьянин" и много других печатных органов, предназначенных для армян, проживавших на территории Османской империи. Кроме этого, значительное количество газет и журналов издавалось в России, в частности в Закавказье, которые день за днем освещали экономическую жизнь Западной Армении и всей империи. Среди газет укажем "Мшак" ("Труженик"), "Еркири дзайн" ("Голос страны") и многие другие, содержавшие богатую и систематическую информацию из Турции. С 1870-х годов на страницах журналов "Пордз" ("Опыт"), "Аракс", "Базмавел" ("Полигистор"), "Мурч" ("Молот"), "Арор" ("Соха"), "Нор осанк" ("Новое течение"), "Горц" ("Дело") и других печатались экономические обзоры и информация о состоянии хозяйства Западной Армении и Османской империи, о строительстве дорог, портов, промышленных предприятий и т.д. Периодические издания содержали ежедневную богатую информацию об экономической жизни страны. Например, еженедельник "Бюракн" и газета "Торговля" регулярно сообщали о поступлениях в константинопольский порт различных товаров, указывая фамилию импортера, купца, приобретавшего привозной товар, цены на разные сорта товаров, и т.д. Давалась подробная информация о ходе закупки или заготовки экспортируемых товаров: где куплен, сорт, цена, комиссионер, через какой порт, каким пароходным или другим обществом вывезено и т.д.

Чтобы не возвращаться к вопросу об армянских источниках, отметим, что в рассматриваемый период на армянском языке вышло немало книг с описанием положения отдельных районов и отраслей хозяйства. К их числу относятся работы А-до (Ов. Тер-Мартirosян) "Вилаеты Вана, Битлиса и Эрзерума"¹, Атома (Ар. Шахриян) "Государственные реформы и земельный вопрос"², Г.Хажакяк "Налог в Турции"³, А.Муредяна "Землевладение в

1 Ա-Դօ /Հովհ. Տեր-Մարտիրոսյան/, Վանի, Բիթլիսի և Էրզրուսի վիլայեթները, Երևան, 1912:

2 Ատոմ /Հ.Շաիրիկյան/, Պետական վերանորոգութիւնն ու հողային հարցը, Կ.Պոլիս, 1910:

3 Գ.Խաչակ, Հարկերը Տաճկաստանում, Բաքու, 1903:

Турции"¹ и др. Особый интерес представляет книга Я.Г.Мырмянца о развитии торговли и о деятельности крупных армянских торговых фирм за 1740-1890 годы². Были изданы исследования о налогах и финансах, о законах по стимулированию экономического развития, около двух десятков книг о младотурецком движении. Отметим также десятки изданных за последние годы армянскими земляческими союзами за рубежом исследований, воспоминаний и путевых заметок, часто со ссылками на источники или с приложениями официальных турецких документов - сводных и других, нередко уникальнейших материалов.

Особое внимание нами уделено трудам болгарских ученых, в частности исследованиям Н.Т.Тодорова о развитии мануфактуры и капитализма в Болгарии в XIX в., работам академика Ив.Снегарова и других ученых. Их заслугой является широкое привлечение материалов болгарских архивов и аргументированная критика фальсификаторских измышлений о "прогрессивной роли" Османского государства на Балканах.

Нет надобности говорить о большом значении турецких источников для данной темы. Однако, турецкие архивы пока недоступны. Имеющийся в диссертации статистический или фактический материал нами почерпнут из журнальных и газетных статей и трудов турецких историков и социологов. Но дело в том, что большинство турецких авторов обходит важнейшие проблемы социально-экономического развития Османской империи, довольствуясь общими рассуждениями, особенно если речь идет о вопросах участия нетурецких народов в этом процессе. Еще К.Василевский заметил, что характерной чертой многих работ турецких авторов является "отрицание и замазывание национального вопроса в Турции" и стремление все выдать за "национальное", "турецкое" и т.д. и что эта тенденциозность "неблагоприятно отражается как на научности, так и на психологии читателя, знающего турецкую действительность..." (Каземир В-ий, "Турецкая экономика в описании самих турок", "Новый Восток",

1 Ա.Մուրադյան, Հողատիրութիւնը Քուրդիստանում, ,,Մուրճ,, , 1899, նո.10:

2 Մ/րմրյան/ Յ.Գ., Քուրդիստանի վաճառականութիւնն ու վաճառականը 1740-1890, Կ.Պոլիս, 1908:

Впрочем, в последние годы вышел в свет ряд серьезных исследований по общей характеристике социального строя Османской империи, процесса развития капиталистических отношений, земельного вопроса, истории крестьянства и рабочего класса Турции. Кроме уже отмеченных, укажем книги Бехидже Боран "Турция и проблемы социализма"¹, Х.Озгена "Экономические проблемы Турции"². Не меньший интерес представляют такие работы, как книга Х.Авни "История превращения в полуколонию"³, К.Булутоглу "Турецкая налоговая система"⁴, И.Хюкрева "Экономика турецкого села"⁵, а также труды М.Сенджера⁶, О.Сенджера⁷ и др. В указанных и аналогичных работах предпринимаются попытки обобщить закономерности развития "османского общества", но исходные позиции авторов не всегда определены, а выводы часто не соответствуют реальной действительности и страдают однобокостью. Изучение сложнейших вопросов общественно-экономического развития Османской империи сводится к тому тезису, что "азиатский способ производства" и государственная собственность на землю создавали особые условия, мешавшие, по утверждению турецких авторов, разложению "нефеодалного" строя и возникновению капитализма. "Наши историки, изучавшие структуру османского общества, — пишет М.Сенджер, — не только не стремились приобщить ее к определенному общему типу, а наоборот, были вынуждены показать особенности, отделяющие ее от общих типов"⁸. Признавая факт зарождения капиталистических отношений, эта группа авторов считает их результатом не внутреннего развития, а привнесения элементов капитализма в Турцию извне.

1 Boran B., Türkiye ve sosyalizm sorunları, İstanbul, 1968.

2 Özgen H., Ekonomik sorunlarımız, Ankara, 1969.

3 Avni H., Bir yarım müstemleke oluş tarihi, İst., 1932.

4 Bulutoğlu K., Türk vergi sistemi, İst., 1967.

5 Hücrev I., Türkiye köy iktisadiyatı, Ankara, 1934.

6 Sencer M., Osmanlı toplum yapısı, İst. 1969.

7 Sencer O., Türk toplumunun tarihsel evrimi, İst., 1969.

8 Sencer M., Osmanlı toplum yapısı, s.44.

К этим же выводам, но с несколько иных позиций приходит ряд других авторов: Э.З.Карал, Ю.Х.Бейюр, Т.З.Туная, О.Коннер, Т.Мюмтаз. Отмечая неизбежность "европеизации" Турции, они считают, однако, что в изучении этого процесса нужно исходить из общих принципов развития капитализма в странах Европы и изучать "турецкий капитализм" в сопоставлении с "европейским". Такая своеобразная форма "европейской ориентации" приводит к выводу, что "европейский капитализм" оказывается виновным как в развитии "турецкого капитализма", так и в его отставании. В использованных в диссертации произведениях Х.Авни, Н.Беркеса, К.Булутоглу, И.Хюкрева, Н.Теджалана, Х.З.Джиллова и других дается анализ экономической политики османского правительства, критикуются социальное неравенство, произвол и разорительная фискальная система, показывается процесс обнищания крестьянства, пагубное влияние иностранного капитала и другие отрицательные моменты, характерные для военно-феодалного османского государства. Но нам не известны труды османских авторов, за исключением Халиса Окана, осмелившихся дать объективную и всестороннюю оценку роли османского феодализма и его институтов в общественно-экономическом развитии как своего народа, так и, особенно, национальных меньшинств.

Значительный фактический материал нами почерпнут из произведений европейских авторов: М.А.Убичини, Е.Энгельгарта, Виталия Кине, Ф.Грина, Эм.Диллона, Х.Ф.Б.Линча. Важные для нашей темы данные о младотурецком движении и экономической политике младотурок содержат труды Э.Ф.Найта, П.Феша, А.Сарру, равно как сборник "Оттоманское законодательство" А.Биллиоти и А.Седада и ряда других авторов. Однако, как правило, эти труды тенденциозны, отражая интересы тех или иных держав или стоящих за ними групп.

В диссертации делается попытка обобщить имеющиеся мнения и суждения о генезисе капитализма и показать конкретные особенности проявления этого процесса применительно к отдельным национально-различным группам буржуазии и их роли в хозяйственном, общественно-экономическом и политическом развитии Османской империи от середины XIX в. до ее падения.

В соответствии с этим в первой главе — "Исторические условия и генезис капитализма в Османской империи" рассматриваются лишь общие вопросы темы, служившие историческим фоном для означенных процессов. В этой главе делается попытка объяснить, почему благоприятные природно-климатические и географические факторы, богатые минеральные и сырьевые ресурсы для развития промышленности, достаточные людские ресурсы, короче, наличие объективных предпосылок для превращения Османской империи в один из центров формировавшегося мирового капиталистического хозяйства не привели к этому, несмотря на вовлечение самой империи в систему этого хозяйства и развитие капиталистических отношений в ее европейских и некоторых азиатских владениях. Ответы на поставленный вопрос представлены на основании анализа особенностей османского феодализма, общественного и государственного строя империи. Одна из важнейших особенностей этого строя — организация общества по-военному и для войны. Для ранних турок-османов война была тем, что Ф.Энгельс называл "функцией народной жизни" (Соч., т.21, стр.164). Сложившиеся условия привели к созданию феодально-паразитического сословия, кормившегося главным образом за счет "процентов" от военной добычи, разбоя и ограбления оказавшегося в феодальной зависимости населения покоренных стран. Монополия турецкой верхушки в области административной деятельности гарантировала длительное существование сложившихся взаимоотношений, превращая их в традиции, которые сохранились даже при определенных социально-политических сдвигах. Отсюда то замечание К.Маркса (т.9, стр.6), что турок "какое бы социальное положение он ни занимал, он принадлежит к привилегированной религии и национальности, он один имеет право носить оружие, и самый высокопоставленный христианин обязан при встрече уступать дорогу мусульманину, принадлежащему к низшему слою общества".

Рассматривая "свой" народ как орудие захватнических планов и эксплуатации покоренных народов, османские власти пытались удержать его от производительной деятельности, чему способствовали и объективные условия. Как отмечал К.Ата-турк (Избранные произведения и речи, М., 1966, стр.269), ре-

месло и торговля в османское время рассматривались как занятия, нежелательные для турок и мусульман вообще. По свидетельству И.Флеровского ("Современник", кн.3, 1915, стр.191), в Турции существовали "прямые запрещения султана организовывать турками финансовые предприятия, особенно в коллективно-акционерной форме".

Тормозя хозяйственное и общественно-экономическое развитие "своего" народа, османские власти препятствовали развитию и других народов. Объясняется это не какими-либо субъективными моментами, а самой природой османской феодально-теократической монархии. "Турецкое, как и всякое другое восточное господство, — указывал Ф.Энгельс, — несовместимо с капиталистическим обществом; нажитая прибавочная стоимость ничем не гарантирована от хищных рук сатрапов и пашей; отсутствует первое основное условие буржуазной предпринимательской деятельности — безопасность личности купца и его собственности" (т.22, стр.33). Такое положение наблюдалось в течение ряда веков во всех других сферах хозяйственно-экономической жизни империи.

По определению Ф.Энгельса (т.28; стр.221), "правительства на Востоке всегда имели только три ведомства: финансов (ограбление своей страны), войны (ограбление своей страны и чужих стран) и общественных работ (забота о воспроизводстве)". До определенного времени военное ведомство, осуществляя грабеж своей и чужих стран, служило укреплению империи, но начавшийся ее упадок и поражения турецкой военины привели к тому, как отмечал М.Сенджер (стр.296-297), что "в связи с уменьшением доходов от войны и торговли основным путем, к которому прибегло государство в поисках средств покрытия своих расходов в своей основной массе было возложено на райя". Таким образом, военное ведомство из источника поступления превратилось в фактор, поглощающий более трети государственного бюджета. И поскольку "вся энергия государства была направлена на создание боеспособной армии" (Х.Окан, стр.10), военное ведомство превратилось в фактор разграбления и разорения страны. По данным ген.-майора Аверьянова, в начале XX века в Турции был 491 батальонный округ, из которых 322 округа, т.е. 66%,

находилось в азиатской части Османской империи. Таким образом, на каждые 6 тыс. кв. км. территории приходился один батальонный округ регулярных войск. Помимо этого, на территории всех восьми армейских корпусов размещались редифные, нерегулярные войска, а в восточных районах еще и иррегулярная конница — гамидие. Чинимые военными произвол и разбой усугублялись тем, что денежное довольствие армии оседало в штабах и в карманах командного состава, а кормить войска приходилось населению.

В этих условиях, казалось бы, должна была возрасти роль ведомства "общественных работ". Но все дело в том, что в его функции входили строительство и поддержание крупных ирригационных сооружений, и поскольку в условиях собственно Турции необходимости в них не было, функции этого ведомства были ограничены. Строительство же дорог в качестве фискальной функции проводилось путем насильственного привлечения населения. Что касается "заботы о воспроизводстве" вообще, то, вопреки уверениям О.Коймен (Империализм свободной торговли. Оттоманская империя, У международный конгресс экономической истории. Д-д, 10-14 августа 1970, Наука, М., 1970, стр.5) о "прогрессивной" роли двора, осуществлявшего якобы "детальное руководство хозяйством" европейские, русские и армянские источники отмечают, что такого рода "руководство" двора было тормозящим фактором, поскольку даже строительство какого-нибудь моста на проселочной дороге и то подлежало решению центральной власти ("Вестник Европы", кн.4, 1909, стр.835). Вместе с тем следует отметить, например, что намерения правительства развивать промышленность обуславливались не заботой о воспроизводстве, а целями наживы: "Стоило турку или турецкоподданному, — сообщает Голобородько (Турция, М., 1912, стр.146), — открыть какое-нибудь предприятие, как все...принимались тянуть с него одну подачку за другой". Но еще сложнее было добиться разрешения открыть такое предприятие. Одна турецкая компания "в течение 10 лет не могла добиться разрешения на эксплуатацию нефтеносных земель в Ванском санджаке...". Османские власти, однако, охотно отдавали концессии иностранцам, а иногда одаривали ими...феодалов. Так, из архивных документов известно, что рудосносные земли Кебан-Мадена и Агрена-Мадена были отданы

феодалам, в результате чего к концу XIX в. турецкая металлургия теряла 32% на серебре, 12% на меди и 40% на свинце, и поскольку в Малой Азии добывается около двух млн кг. разных металлов, то общая потеря равняется ежегодно около 400 тыс.кг.металлов (ЦГАВМФ, ф.898, оп.1, д.6, лл.47-48). "Нынешний упадок в национальной турецкой промышленности, — писал в 1858г. А.П.Чихачев (Великие державы и восточный вопрос, М., 1970, стр.104), — объясняется отнюдь не неспособностью населения, а, скорее, преступным нерадением правительства, которое не сумело стимулировать труд в промышленности или хотя бы устранить препятствия, затруднявшие ее развитие". Аналогичным было положение во всех других отраслях экономики.

В аспекте этих фактов закономерна еще одна особенность развития капиталистических отношений в Османской империи. Наталкиваясь на "заботу" властей и конкуренцию промышленных товаров европейского производства и не имея нормальных условий для развития в торговле, капитал обращался в сельское хозяйство. Однако и здесь он не имел возможности развиваться: во-первых, христианам ограничивали право приобретать земельную собственность, во-вторых, в результате низкой производительности труда капитал в земледелии давал, по свидетельству источников, всего до 4% дохода, в то время как прибыль в других отраслях достигала 10% (Д-р Н.Тагаварян, О развитии земледелия и эксплуатации лесов и рудников)¹.

Фактором, тормозившим развитие страны, была фискальная система. Налоги в Османской империи делились на две категории: шариатские и государственные; 350 шариатских налогов — зекят, ашар, харадж и джезие — включали в себя налоги на земледелие, скотоводство, торговлю, имущество и помещения, бытовые обычаи и т.д., а 97 государственных налогов назначались султаном для покрытия казенных расходов (Тарих-и Лютфи, Сборник, Иноязычные источники об Армении и армянах, т.7; Турецкие источники, т.1У)². По единодушному мнению всех авто-

¹ Տոր.Ն.Տաղավարյան, Երկրագործության, անտառաց և հանքաց զարգացումն ու շահագործումն, Կ.Պոլիս, 1909, էջ 13:
² Քարին-ի Լուվի, Ժողովածու, Օտար աղբյուրները Հայաստանի և հայերի մասին, հատ.7, Քուրբալան աղբյուրներ, հատ.7, Երևան, 1972, էջ 230:

ров, изучивших налоговую систему Турции, для населения были страшны не сами налоги, а "дополнительные обложения" и методы их сбора: дело было не в том, что по эшар крестьянин должен был отдавать государству десятую часть урожая, а в том, что к концу XIX в. эшар разросся до таких размеров, что поступления от налога составляли 40% (4,1 млн. лир) всех государственных доходов ("Вестник Европы", 1903, кн. 4, стр. 680-681). Однако главное зло заключалось во введенной еще во второй половине XVII в. откупной системе (ильтизам), отдавшей податное население во власть произвола откупщиков. Даже реформа 1838 г. предусматривавшая возвращение фиска в руки государственных чиновников, не внесла каких-либо изменений. Как отмечает Булутоглу (стр. 20), мультезимы и тахсилдары, взыскавшие однажды налоги и забывавшие выдать соответствующие документы, требовали тот же налог вторично, а нередко в третий раз.

Особым притеснением подвергалось немусульманское население. Помимо общих и для мусульман налогов, оно несло бремя военных (бедел-и-аскери) и ряда других незаконных налогов и обложений, подвергаясь всякого рода вымогательствам, вплоть до узаконенного "права" мусульман пользоваться "трое суток" бесплатным ночлегом и питанием как самим "гостям", так и сопровождавшим их лицам. Этим "гостеприимством" особенно злоупотребляли чиновники, военные и "свои" феодалы. Руководствуясь в своей национальной политике принципами шовинизма и пытаясь воспрепятствовать развитию национальных меньшинств, османские власти в период 1820-1895 гг. спровоцировали четыре массовых погрома греков, айсор, маронитов и болгар, стоивших этим народам 80 тыс. человеческих жертв и значительного экономического ущерба. Оценивая акты такого "подавления национальностей", В.И. Ленин (т. 22, стр. 155) считал это явление одним из "могучих остатков средневековья, страшно задерживающим общественное развитие...". Речь при этом идет о реакционной роли "османского колониализма" не только в христианских странах. Отмечая его стремление "уничтожить всякую попытку к прогрессу", К. Маркс (т. 9, стр. 6) указывал, что "пробывание турок в Европе представляет собой серьезное препятствие для развития всех ресурсов, которыми обладает фракийско-илирийский полуос-

тров", и его экономического и общественно-политического прогресса.

В этой всеподавляющей обстановке, завершившейся режимом, который вошел в историю под названием "эюлюм", об обычных условиях развития капитализма и буржуазии и речи не могло быть. Но, как отмечал К. Маркс (т. 9, стр. 4), "Турция столь же мало, как и остальной мир, остается неподвижной". Шел процесс медленного, болезненного вызревания элементов капитализма в сельском хозяйстве, торговле, ремесленном и промышленном производствах. Поэтому долг был период первоначального накопления капитала. Одним из важных факторов, влиявших на экономическую жизнь страны, был иностранный капитал. Вопрос о его роли в жизни Османской империи имеет особое значение, ибо именно иностранному капиталу многие зарубежные, в том числе турецкие, историки приписывают заслугу развития капитализма. Вопреки этим концепциям, в диссертации показано, что европейская буржуазия, получив по режиму капитуляций все условия для обогащения, подавляла ростки местного капитализма. Европейские державы не только прилагали усилия для предотвращения окончательного политического разгрома османской военно-феодальной системы, но и оказывали экономическую "помощь" для ее сохранения. В этой связи в диссертации отмечается тот факт, что иностранные банки и займы, помимо своего прямого назначения - ограбление народов Османской империи, служили своего рода "инъекцией" в ее одряхлевший организм.

Однако, как ни сильны были внутренние и внешние факторы, тормозившие хозяйственное и общественно-экономическое развитие Османской империи, подспудные процессы развития капиталистических отношений привели ее к тэнзимату, младоосманскому движению и "конституции Мидхата" 1876 г. Несмотря на все усилия султанских правительств и западных держав, особенно после перерастания капитализма в империализм, военно-феодальный режим османов медленно, но неодолимо шел к гибели. Причине этого, отмечает Х. Окан (стр. II), "прежде всего интенсивное разложение феодальных производственных отношений", а следствие - реформаторские движения и вслед за ними младотурецкая и

кемалистская революция, имевшие целью обеспечить буржуазии, в первую очередь турецкой, условия капиталистического развития. Однако общий уровень социально-экономического развития инонациональной буржуазии оставался выше, поэтому она продолжала быть носителем экономического прогресса страны.

Связанные с этими процессами сдвиги в хозяйственном и общественно-экономическом развитии рассматриваются во второй главе диссертации - "Развитие капиталистических отношений в экономике Османской империи". При этом степень разработанности аграрного вопроса в Османской империи освобождает нас от необходимости общего обзора, обязывая акцентировать внимание лишь на наиболее важных специфических особенностях развития капиталистических отношений в сельском хозяйстве и во всей экономике Османской империи вообще. Различия в уровне развития больших регионов Османской империи особенно резко ощущались в сельском хозяйстве. В изучаемый период в Европейской Турции, на побережье Средиземного и Черного морей, вокруг отдельных крупных городов имелись хозяйства "чифтлики", и другие формы частного землевладения, где, как правило, хозяйство велось на принципах капиталистического предпринимательства. Вместе с тем на юге и востоке страны абсолютно господствовали феодальные отношения и порядки. Самой характерной чертой этих районов была многоукладность, сосуществование и борьба разных социальных категорий и слоев, наличие натурально-патриархальных и почти капиталистических отношений. Особенностью следует считать и то обстоятельство, что столкновение классовых и общественных интересов происходило часто на фоне национального гнета и притеснений, оставившего глубокий след на процессе развития сельского хозяйства и всей экономики. Указанные процессы рассматриваются в диссертации исходя из установки В.И.Ленина (т.3, стр.311), что "капитализм в земледелии (равно как и в промышленности) не может развиваться равномерно: он толкает вперед в одном месте (в одной стране, в одном районе, в одном хозяйстве) одну сторону сельского хозяйства, в другом - другую и т.д.". Данная общая закономерность весьма рельефно проявилась именно в Османской им-

перии в силу отмеченной громадной разницы между ее отдельными районами. Следует, однако, указать, что господствовавшие феодальные отношения играли роль тормозящего фактора также в разной степени, в зависимости от силы влияния на общественные отношения данного района.

Одним из серьезных препятствий на пути капиталистического развития была государственная собственность на землю. В диссертации показано как постепенно подтачивались основы означенной формы собственности. Во второй половине XIX столетия принимается ряд законов о правах собственников земли (1858) о порядке наследования (1867) и ряд других, которые юридически оформляли возрастающее частное землевладение. Если они осуществлялись на деле, положительные результаты сказывались незамедлительно. В записке русского консула в Басре А.Адамова (АВПР, Новый турецкий стол, д.7643, л.4) "О положении землевладения в Ираке Арабском" отмечено, что превращение государственных земель в частные и введение новой системы землепользования еще "при генерал-губернаторе Багдадского вилайета Мидхат-паше (1870-1873)...повысило земельную производительность в десять раз". Как свидетельствует Дм.Бакрадзе (стр.20), к концу века возникшая на базе казенных земель (эразимирие) частная собственность стала "самой распространенной в Турции формой землевладения". Было очевидно, что феодальные порядки приводили к целому ряду уже нетерпимых влияний, мешавших прогрессу земледелия. Среди них: огромные территории запущенных земель, низкая производительность, незаинтересованность самих производителей в высоком урожае. Английский путешественник Линч (Армения, т.П, Тифлис, 1910, стр.27), побывавший в районах Малой Азии в 1890-х гг., писал, что землевладельцы обосновывали свое нежелание обрабатывать все имевшиеся земельные участки тем, что трудно вывозить сельскохозяйственные продукты, нет дорог, нет рынков.

На его вопрос (стр.186), почему крестьяне живут так бедно, последние ответили, что "бесполезно работать, покуда крестьянину не позволено пользоваться плодами своих трудов". Царившие произвол, разорительная фискальная система, дискриминационная политика султанского правительства по

отношению к мелким и крупным землевладельцам христианских народов и ряд других моментов тормозили развитие капитализма в сельском хозяйстве. А.М.Колубакин (Материалы для военно-статистического обозрения Азиатской Турции, т.1, ч.1, стр.380) констатирует, что средний земельный надел в Западной Армении, Курдистане составлял 20-100 дёнумов. Мусульмане же имели "пахотных земель в десять раз больше, чем армяне". Расчёты показывают, что земельные площади мусульман в целом в 6,5 раз превышали наделы, принадлежащие христианам. Общее положение сельских хозяйств, независимо от национальной и религиозной принадлежности владельцев, было настолько тяжёлым, что, по утверждению Ниязи Беркеса (стр.57), даже крестьянин среднего достатка "не имел возможности ни освободиться от долгов, ни получить ссуду и техническую помощь. В этих условиях нельзя было мечтать о применении современных методов агрономии".

Несмотря на указанные отрицательные обстоятельства, происходил неуклонный процесс разложения феодальных и становления капиталистических отношений.

В.И.Ленин (т.1, стр.87) отметил два момента в историческом развитии капитализма: "1) Превращение натурального хозяйства непосредственных производителей в товарное и 2) превращение товарного хозяйства в капиталистическое". Оба эти процесса во второй половине XIX века происходили параллельно в сельском хозяйстве Османской империи. Установившиеся внутрирайонные и межрайонные связи разрушали натуральное хозяйство. Необходимость расширения производства в связи с постепенным ростом спроса на сельскохозяйственные продукты, а также для удовлетворения запросов семьи и уплаты налогов и долгов деньгами (по требованию органов власти и сборщиков налогов), рост ростовщического и торгового капитала превратили большинство крестьянских хозяйств в конце века в товарное, причем не только в экономически развитых районах страны. Значительная часть крестьян, постепенно лишаясь земли или попадая в зависимость от феодалов, становилась издольщиками в лучшем случае - арендаторами. Эта категория мелких производителей также постепенно втягивалась в рыночные отношения, становилась мел-

кими товаропроизводителями, так как им было необходимо арендную плату или различные поборы платить деньгами. В диссертации приводится немало примеров, подтверждающих указанные выводы. Например, А.Мурадян (журн. "Мурч", 1899, №10, стр.1215-1216) о причерноморских вилайетах писал, что в зависимости от расположения земель - в горной местности, в предгорьях или около городов - была установлена денежная аренда за дёнум от 5,5 до 20-25 курушей или даже от 2-3 до 30 лир (лира=100 курушам). Нестолько обычным стало взимание налогов и долгов деньгами, что, по утверждению другого исследователя (Гр.Арцруни, Экономическое положение турецких армян)¹, это обстоятельство прямо отражалось на сумме налогов, которые увеличились "в последнее время...так как государство не стало брать бумажные знаки" и вместо обесцененных каиме требовало золотом или серебром. Весьма интересно для обсуждаемого вопроса замечание русского военного агента (ЦГВИА, ф.82, д.3053, л.134), который писал в докладной записке, что чиновники и землевладельцы налоги или аренду брали "иногда натурой, чаще деньгами" по причине малого спроса на сельскохозяйственные продукты и "дурных путей". Раздобыть, найти деньги стало жизненно важной задачей для сохранения собственности, т.е. обеспечения права на жизнь. И порою, ради погашения налогов и долгов, как отмечал Атрпет (Юбилей армянской революции, 1878-1928, рукопись)², на рынок отправляли все, даже кормящий семью крестьянина скот, чтобы "выручить хотя бы мелкую монету и кое-как спастись от когтей сборщика налогов".

Особенно интенсивно крестьянское хозяйство превращалось в товарное на территориях, расположенных вокруг Константинополя, Измире и других крупных городов. Санджаки Чаталдже и Измит, например, снабжали столицу молоком, мясони, курами, яйцами, медом, древесным углем, товарами ремесленного труда (Ханджян, География Османского государства,

стр.219, 152-253). Тем самым на рубеже двух веков и вокруг турецких городов появляется то, что В.И.Ленин (т.3,

¹ Գր.Արժրուհի, Քուրթաց հայերի տնտեսական դրուձյունը, Քիֆլիս, 1894, էջ 32:

² Ատրպետ, 1878-1928, 50-ամյա ոսկյա հոբելյանի հայ հեղափոխության, Լենինական, 1927, էջ 13:

стр.306) назвал "подгородным хозяйством", где мелкий товаро-производитель "торгует всем понемногу: своим домом...продуктами своего сельского и дворового хозяйства - хлебом, кормом для скота, молоком, мясом, овощами, ягодами, рыбой, лесом и пр...".

Капиталистические отношения одновременно вовлекали в свою орбиту и крупные хозяйства. Здесь мы встречаем как феодалов и помещиков, так и землевладельцев, приобретающих значительные земельные площади разными путями. А.Руппин (Современная Сирия и Палестина, стр.62) отметил, что "многие крупные землевладельцы приобретали свои земли лишь в течение последних десятилетий", закупая те участки, которые государство продавало с аукциона по очень низким ценам и которые "приобретались городскими капиталистами". Он говорил о представителях пяти богатых семей из сирийского города Хэма, которые жили за счет арендной платы за землю, расположенную вокруг города (стр.63). В "Турецком сборнике" (стр.139) приводится пример крупного столичного банкира Зарифи, который купил в Багдадском вилайете 50 тыс.гектаров государственных земель и засеял их рисом и хлопком. Колюбакин (стр.355) указывал на 43 семейства "городских армян", которые владели "более или менее значительными участками пахотных земель и покосов". В диссертации приводятся имена богачей Темир оглы из Вана, Хаджи Иззет-паша из Мезре, крупных курдских помещиков, племенных вождей и других землевладельцев, которые часть урожая, скот, продукты скотоводства вывозили на рынок (ЦГВИА, ф.82, оп.86, д.3049, лл.352, 353).

Таким образом, особенностью турецкой действительности представляется следующее парадоксальное явление: одновременный рост как феодального, так и буржуазного крупного землевладения. Первое состояло из представителей старых родов дербеев и феодалов, владевших громадными земельными угодиями, и новых помещиков, расширивших свои владения благодаря политике турецкого правительства, с благоволения которого многие военные и гражданские чиновники, шейхи и беки, путем насилия и разбоя наживали огромные земельные угодия за счет крестьянства, главным образом христианских народов - славян, греков,

армян, айсор и т.д. Это, конечно, не означало, что состоятельные представители указанных народов не приобретали земли. Наоборот. Купленные ими земли мусульманских, в частности турецких, феодалов и составляли основу крупного капиталистического землевладения, к которому приобщались также землевладельцы-мусульмане. Наличием различных форм землевладения и социальных отношений, видимо, обусловлены формы эксплуатации крестьян. Между даровым трудом (ангария) зависимых крестьян и капиталистическим наемным трудом батраков и безземельных крестьян, мы встречаем разные формы барщины и оброка, полуфеодалных и еще некапиталистических способов использования крестьянского труда. Но самыми массовыми были взаимоотношения издольщины и ипольщины, а также крестьянской аренды. Многочисленными примерами в диссертации подтверждено господство переходных форм труда и зависимости, их сочетания как свойственного, по определению В.И.Ленина (т.3, стр.187), "всякой переходной эпохе". Прямым продуктом этой эпохи стал процесс расслоения крестьянства. Сельская буржуазия, особенно кулаки, довольно успешно укрепляли свои позиции, прибрав к рукам контроль над экономической селю и конкурируя иногда с хозяйством помещиков. Но, с другой стороны, в массовом масштабе происходило обезземеливание крестьянства, его пролетаризация и массовое отходничество. Однако освобожденные рабочие руки, в силу недостаточного развития капитализма в стране, не находили применения. Чтобы прокормиться и немного заработать, помочь своим семьям, молодые люди искали любую работу в Константинополе или в других портовых и крупных городах или же уезжали за рубеж, покидая свои семьи на 5-10-15 лет. Отходничество имело особенно жестокие формы у христианских народов вследствие шовинистической политики турецких верхов. Сотни и тысячи "пандухтов", т.е. скитальцев, ежегодно уходили из городов и сел Западной Армении. Немало греков и представителей славянских народов в поисках работы покидали свои родные места. И в Османской империи тем самым, как признак развивавшихся капиталистических отношений, возникают "рабочие рынки, где собираются тысячи рабочих и куда съезжаются наниматели" (В.И.Ленин, т.3, стр.238). Районы применения наемного труда постепенно расширяли свои границы

с запада на восток, но накануне первой мировой войны степень его использования оставалась в общем балансе еще весьма незначительной.

В диссертации отмечены другие признаки утверждения капиталистических отношений, такие, как превращение земли в предмет купли и продажи, приведшее за полвека к росту ее цены "ровно в 10 раз" (ДИРКПТ, 1913, №29, стр.23).

Важнейшим показателем развития капитализма в сельском хозяйстве является его специализация и связанный с ней рост производства наиболее ценных культур. Процесс этот хорошо иллюстрируется данными о росте цен на землю, пригодную для выращивания именно таких культур. Если в восточных районах цена одного дёнума колебалась от 2-3 до 40-80 лир (ж. "Кавказское хозяйство", 1918, №1-2, стр.21), в Сирии она составляла от 0,5 до 50 лир, а в Ливане была выше в 10-20 раз (А.Руппин, стр.98); виноградники в западных районах стоили от 100 до 400 франков (А.Д.Новичев, Экономика Турции до мировой войны, стр.82), а оливковые плантации - до 2120 франков (А.А.Андерланд, Земледелие и скотоводство в Сирии и Палестине, СПб, 1891, стр.24). Зависимость стоимости земли от возделываемой культуры приводила к более рачительному отношению к ней. Так, "Бюраки" (№8, 1908, стр.265-266) подсчитал, что если участок, который дает урожай пшеницы на 4 лиры, засеять 800 шелковицами, то это даст 50-60 лир твердого дохода. Подсчитано и то, что если в 1910г. шерсть составляла всего 10% турецкого экспорта, то фрукты и овощи составляли уже 30% - факт тем более интересный, что говорит не только об интенсификации производства новых видов продукции за счет традиционных, но и о специализации.

В диссертации рядом примеров иллюстрируется рост площадей под технические культуры и увеличение их производства. По данным турецкого "Статистического ежегодника" (т.7, 1934-1935, стр.332), в период с 1884 до 1913 гг. площади под табак выросли втрое и почти в два раза повысилась производительность труда одного рабочего. Причем число выращивавших табак выросло всего на 16 с лишним тысяч, а производство - более чем в 2 раза. То же происходило с производством хлопка, масличных и иных культур. В долинных районах Сирии, Анатолии, Запад-

ной Армении и в других местах росло производство пшеницы, риса, в горных районах - фруктов, плодов и овощей. При этом аданский хлопок, например, шел на экспорт, а харпутский, как отмечает А.С.Амбарян (стр.164-171), к началу XXв. значительно вытеснил другие культуры этой области, вывозился в Эрзерум, Сивас, Битлис, Диарбекир, а частично через Трапезунд экспортировался в Европу. Фрукты, плоды и овощи, продукцию скотоводства в большом количестве потребляли Константинополь, Измир, Алеппо, Бейрут, Дамаск, Трапезунд, Урфа и другие города. Но эти же продукты были важной статьёй экспорта.

В этой связи в диссертации особое внимание уделяется трем важным явлениям общественно-экономической жизни Турции. Речь идет о том, во-первых, что специализация, как отмечает В.И.Ленин (т.3, стр.303), "вызывает обмен между различными земледельческими районами, между различными земледельческими хозяйствами, между различными земледельческими продуктами", следовательно, способствует развитию товарного земледелия и формированию на этой основе внутреннего рынка. Во-вторых, на основе "обмена между различными земледельческими районами" происходит развитие торговли. В-третьих, то обстоятельство, что интенсификация сельскохозяйственного производства требовала внедрения агротехники и сельскохозяйственных машин. Дело дошло до того, что султанское правительство 17.XI.1874г. издало ирадэ, которым на 15 лет освободило от таможенных пошлин ввоз машин и сельскохозяйственных орудий (АВПР, Турецкий стол (новый), д.3701, л.11). В опубликованном "Вестнике финансов, промышленности и торговли" (1901, №2, стр.113) отчете американского консула в Измире отмечается, что крестьяне окружающих деревень "бросили соху и перешли к новейшим американским плугам. Последних сбывается ныне в Турции до 2000 штук в год. Жатвенные машины дороги, поэтому в год их привозится 300 штук".

Несмотря на эти шаги в направлении механизации сельского хозяйства, Турция и в этом отношении оставалась одной из наиболее отсталых стран. Данное положение объясняется "пережитками" феодализма, позволившими земледельцам использовать дармовой труд "своих" крестьян, и наличием в стране избытка

дешевых рабочих рук.

Особую роль в отсталости основной отрасли экономики имел парцелярный характер сельского хозяйства. Отмечая, что крупные капиталистические хозяйства "группировались вокруг больших городов", Д.Арслениан (стр.33) писал, что они были островками в море мелких хозяйств, "неблагоприятных для экономического развития"; что редко "крупное хозяйство" было целостной экономической единицей. Оно обычно раздавалось мелким арендаторам, поэтому сельское хозяйство представляло собой "конгломерат крестьянских дворов, которые стали преобладающей силой" и "огромным злом" для экономического развития Османской империи.

Немалую лепту в процесс разложения феодальных отношений внес ростовщический капитал. В новых условиях развития товарного производства и процесса первоначального накопления в сельском хозяйстве он выступал действенным стимулятором и активным фактором развития капиталистических отношений. Если, как говорил В.И. Ленин (т.3, стр.177-178), при самостоятельном развитии ростовщический, как и торговый капитал "морально" разлагал феодально-бюрократические верхи, но задерживал "разложение крестьянства", то в новых условиях, став одним из элементов капитализации, ростовщический капитал превратился в действенный фактор разложения крестьянства. Пользуясь нуждой крестьян, ростовщик часто сам диктовал проценты роста (газета "Масис", № 2537, 1880) - "от 50 до 100% он достигал 200-300%". Понимая, что крестьянину трудно возвернуть долг деньгами, ростовщик "соглашался" брать натурой, по цене обычно на 25-50% ниже рыночной; втягивая крестьянина в кабалу, ростовщик заставлял его и членов семьи бесплатно работать в своем хозяйстве, а нередко отнимал имущество, дом, земельный участок. Ростовщичество стало столь прибыльным делом, что им занимались землевладельцы и чиновники, духовные лица и монастыри, купцы и старосты, все, кто был в состоянии давать в долг; ростовщичество, - отмечает Н.А. Левский (стр.19), - стало "единственным занятием" и "единственным идеалом" ага-кулана. Особенно неистовствовали ростовщики в наиболее отсталых районах страны. "Анатолия, - отмечает Н. Беркес (стр.58), - стала раем" для них. При этом если раньше ростовщи-

чеством занимались в основном греки, армяне, евреи, с конца прошлого столетия оно стало переходить в руки мусульман - турок, курдов, арабов и др. Отмечая, что ростовщики всюду имели своих агентов-полисачи, Хажак (стр.66-67) уточнял, что "девять десятых из них являются турками, курдами и лишь 1/10 - армяне". Касаясь положения в Малой Азии в начале XXв., еженедельник "Еркири дзайн" (№8, 1906, стр.63-64) отмечал, что "сегодня нет ни одной деревни, где важной роли не играл бы капитал разбогатевших беев, ага, эфенди. Немало и таких деревень, которые составляют часть их богатства". Крупными ростовщиками являлись банки. По данным А.Руппина (стр.101), от 15 до 30% заемщиков Сельскохозяйственного банка не могли рассчитаться с ним и теряли свои участки, которые продавались с аукциона. В результате чистый доход банка, по данным İstatistik yillığı (т.7, 1934-1935, стр.452), в период с 1892-1917 гг. возрос с 77.885 тыс. лир до 454 млн. лир, т.е. за 25 лет более чем в 5,5 раза. Факт этот говорит о концентрации земли именно капиталистическим способом, о превращении ее в объект финансово-коммерческих операций крупных масштабов. Анализ земельных отношений и аграрного вопроса показывает, что, хотя в стране и существовали отдельные хозяйства типа американских ферм (главным образом немецких и еврейских колонистов), в целом в империи сложились условия, могущие вести развитие сельского хозяйства лишь по "прусскому пути". В диссертации делается заключение, что процесс развития капиталистических отношений в изучаемый период охватил и сельское хозяйство Османской империи. Но объективно-исторические, экономические и политические факторы, главным образом внутреннего порядка, тормозили его развития, сделав этот процесс весьма затяжным, мучительным. Влияние иностранного капитала усугубило это положение.

Развитие сельского хозяйства и его специализация, оживление ремесленного производства и особенно вовлечение Османской империи в систему мирового капиталистического хозяйства, когда Турция начала превращаться в рынок товаров европейского производства и источник сырья, - все это способствовало оживлению торговли и возрастанию ее роли в экономической жизни страны.

"Развитие купеческого капитала, — отмечал К.Маркс (т.25, ч.1, стр.356), — составляет один из главных моментов, содействующих переходу феодального способа производства в капиталистический!"

В диссертации кратко изложены основные этапы истории торговли Османской империи и показано, что еще в середине XIXв. она находилась в столь жалком состоянии, что Ван, например, был связан только с Битлисом и лавочник из Муша мечтал, как писал "Мурч" (№8, 1904, стр.20), добраться до Эрзерума или Трапезунда. Собственно, если не считать караванной торговли по таким исторически сложившимся путям, как Европа — Стамбул — Трапезунд — Керманшах — Тегеран и далее, Османская империя не имела сколько-нибудь значительной внутренней торговли, и отдельные ее части были больше связаны с внешними рынками, чем внутренним. Развитию товарообмена между различными районами препятствовала и существовавшая административная структура империи, которая давала возможность местным шейхам, племенным вождям и феодалам управлять как полноправный хозяин в своей вотчине или административным лицам чинить произвол "по своему усмотрению". Препятствующим общему экономическому развитию обстоятельством было и то, что в стране не существовала единая система мер и весов, денежных единиц, официальных тарифов перевозок, не говоря о поведении самих чиновников, которое в одном из донесений (ЦГВИА, ф.2000, оп.1, д.3818, л.353) характеризуется как "полная эксплуатация торговли в свою пользу".

Хотя эти факторы в той или иной мере действовали вплоть до падения Османской империи, но разложение феодальных отношений вело к постепенному их ограничению. Тенденция все большего снижения внутренних пошлин привела в 1900г. к их окончательной ликвидации. Необходимость в развитии торговли привела к созданию в 1847 г. министерства торговли и земледелия, а затем, в 1860г. — коммерческих судов и изданию ряда законодательных актов, призванных способствовать развитию торговли. Тогда же начали возникать торговые палаты, усиливались связи с такими крупными торговыми центрами, как Константинополь, Измир, Трапезунд, Бейрут, Алеппо и др., сыгравшими важную роль в экономическом развитии Османской империи. В упомянутом специальном ис-

следовании А.Г.Мырмяна отмечено, что уже в 60-70-х годах в этих городах была налицо монополия на торговлю отдельными товарами, имелись специализированные торговые дома, которые вели крупные коммерческие операции, накапливая огромные капиталы и выполняя одновременно функции банкиров и саррафов. Наряду с этими крупными торговыми фирмами существовали мелкие "дома" — "ода" во главе с "одачи", которые наряду с розничной торговлей пытались овладеть торговлей с местными и провинциальными купцами. Однако, отмечает Мырмян (стр.34), сами эти "купцы среднего достатка, названные одачи, вынуждены были уступать свои позиции и наконец исчезали с арены, став жертвами алчности и жадности крупных коммерсантов". Одновременно росла розничная торговля не только в городах, но даже в крупных селах. Уже в конце XIXв. в Измитском санджаке, например, было три таких "местных рынка", куда, как отмечает Г.Фенерджян в "Истории Арсланпека", из близлежащих местностей стекались "лазы, черкесы, турки, греки и другие для приобретения пищевых продуктов, различной мануфактуры, трикотажа и даже семян"¹.

Торговля давала значительные прибыли; так, по А.Руппину (стр.167), фирма "Оросди Бак" выплачивала своим пайщикам в 1899-1914гг. дивиденды от 10 до 14%; архивные документы (ЦГВИА, ф.82, оп.24, д.3049, л.115) свидетельствуют, что в Анатолии процент торговли "европейскими товарами колебался между 75 и 100". Поэтому крупные торговые дома стремились создавать в провинции собственную торговую сеть. К примеру, известный столичный торговый дом бр.Ибраносян имел в 90-х годах свои отделения в Трапезунде, Самсуне, Сивасе, Мерзифоне, Чоруме, Йозгате, Амасии, Токате, Зиле и в ряде других городов.

Источники дают возможность воспроизвести картину организации торговли и роли различных категорий купцов в ней. Крупные коммерсанты — монополисты, отмечает Мырмян (стр.59), имели обширные связи и оптом отпускали товар в кредит на разные сроки: для клиентов Константинополя и его окрестностей на 61-91 день, в Румелии и Анатолии — от 120 до 140 дней. Провинциальные купцы-оптовики ("магазачи") или сами продавали товары, или отдавали большими партиями лавочникам, которые обяза-

¹ Գ. Բեներձյան, Պատմություն Արևմտաանաթոլի, Փարիզ, 1971, էջ 110-111:

вались возвращать деньги через неделю после продажи либо "давали векселя на 31, 61, 91 день". Кредитная сумма, отмечает "Бюракн" (№8, 1906, стр. 172), "обычно не превышала 100-150 лир". На нижней ступени торговой иерархии стояли корабейники-бохчачи, которые брали у лавочников в кредит товары на сумму до 50 лир на 160-180 дней; одна пятая часть выручки доставалась "бохчачи". Интересно, что обычно товары у бохчачи крестьяне брали в кредит, обязавшись осенью рассчитаться натурой, которую корабейник передавал "магазачи или лавочнику и забирал новую партию товаров" (там же).

Расширение торговли привело к тому, что к концу XIX в. торговые дома не могли более удовлетвориться ее "самотеком" в провинциях и по примеру европейских торговых фирм постепенно стали пользоваться услугами посредников на местах. Получая 2% прибыли, эти посредники разъезжали по определенным районам, вербуя клиентуру и изучая местные запросы; они стремились наряду с хозяйским разместить также свой товар. Посредническая торговля, как и другие ее отрасли, постепенно специализировалась: одни посредники занимались только переброской товаров, другие закупали местные продукты, а третьи ведали ввозом и распределением импортных товаров. Происходила специализация и в области ввоза и продажи наиболее ценных продуктов местного производства. Журнал "Бюракн" (№39, 1907, стр. 1431) свидетельствует, например, что монополия вывоза кож из Алеппо принадлежала купцам Диарбакыра, Муша, Урфы, Малатии, Арабкира, Балду, Северека, Гюмюш-Мадена и некоторых других санджакков; что Балыкесир, Бурса, Дарданеллы, Родосто стали поставщиками грубошерстной материи для верхней одежды - абы в соседние санджаки (№3-4, 1907, стр. 88); что Харпут получал платяную материю (манусу) из Айнтаба и Диарбакыра, шелковые ткани из Алеппо и Диарбакыра, женские покрывала (язма) из Токата, Малатии (№25, 1907, стр. 612) и т.д. и т.п.

Нельзя в этой связи не отметить появление такого своеобразного промысла, связанного с торговлей, как извоз, и особой группы занимавшихся им людей, получивших название "арабачи" или "девечи". Их функции сводились к перевозке грузов из одного района в другой. Как отмечает газета "Миллиет" (II. IX, 1970,

стр. 5), девечи, например, занимались не только извозом, но и торговлей. Закупая в Эгейском районе инжир, они перевозили его в другой район и продавали по более высокой цене. Но в целом функции девечи сводились к извозу, которым занималось немало людей, особенно турок, арабов, частично курдов.

Нужно отметить, что посреднической торговлей вначале в основном занимались христиане и евреи, однако уже в конце XIX в. активную роль начали играть мусульмане, в частности турки. Тот же "Бюракн" (№15, 1906, стр. 359-360) свидетельствует, что в Конии, например, из 12 торговцев, занимавшихся закупкой и вывозом продуктов, экспортируемых из Турции, 4 - были турками, 3 - греками и 5 - армянами. В разных вариациях та же картина наблюдается повсюду, даже в европейских владениях империи. "Что касается крупной коммерции Софии, Филиппе, Салоник, Багдаде, Монастыра и других центров Румелии, - отмечает А. Мирмян (стр. 106), - то она почти всегда находилась главным образом в руках турок, греков, болгар и евреев", - факт тем более интересный, что вовлечение турок в торговлю шло наперекор отмеченным выше обстоятельствам.

В диссертации приведен значительный фактический материал, показывающий, что начиная с 80-х годов почти вся торговля скотом сосредоточилась в руках мусульман - турок, курдов, арабов. Они заняли прочное место также в мелкой розничной торговле и в продаже мануфактуры, вытесняя греков и армян ("Ерки дзайн", №9, 1906, стр. 12). Колюбакин свидетельствует, например (ЦГВИА, ф. 82, оп. 86, д. 3055, л. 164), что в Харпутской газе "купцы из турок занимаются главным образом отпускной торговлей, отправляя отсюда овец, шерсть, пшеницу...". Несколько разбогатев, они становятся хозяевами "ломов, бань, каравансараяв, виноградников, пахотных земель и т.д." (там же, л. 352). Некоторые из турок участвовали вместе с армянами в торговых операциях, казенных подрядах, в азартном деле. При этом чем дальше на запад, тем сильнее влияние турецкой буржуазии. По данным "Бюракна" (№9-10, 1907, стр. 238), в начале XX в. турки составляли около половины крупных торговцев в Конийском и в близлежащих вилайетах. Стамбульская газета "Бюзандион" (28. XI, 1896)

сообщала о появлении в 90-х годах "незначительного числа торговых домов... принадлежащих нашим соотечественникам-магометанам, которые в последнее время проявляют большую активность в коммерции". Через несколько лет (II.I.1900) в той же газете была помещена информация о прибытии в Стамбул большой группы купцов-турок для закупок оптом мануфактуры. В отдельных городах Западной Анатолии главами купеческих корпораций становились турки. Накануне первой мировой войны дело, как отмечала "Бюзандион" (15.II.1914), шло к созданию товарищества мусульманских, главным образом турецких, купцов с капиталом более 100 тыс. турецких лир, которое открыло 600 новых торговых заведений; под председательством крупного стамбульского негодцианта Абдула Эфенди было создано коммерческое общество, объединявшее 150 торговцев. Еще через год "Бюзандион" (28.IV.1915) сообщал о создании в столице комитета купцов-магометан, число членов которого доходит до 340 человек.

Таким же новым явлением следует считать участие в торговле банков как путем субсидирования, так и осуществления непосредственных торговых операций, а также появление в начале XXв. множества акционерных торговых обществ и товариществ. По данным "Бюракна" (1907, №19-20, стр.108-110), торговое законодательство определило три вида таких товариществ (коллективное, коммандитное, анонимное), имевших, впрочем, то общее, что основная их масса, как и банков, была смешанной в национальном отношении - ведь "капитал космополитичен".

Нельзя сказать, что османское правительство не заботилось о развитии промышленности, особенно если дело касалось снабжения армии. Так, известно, что в Турции издавна существовали мелкие предприятия, обслуживающие армию. Начиная с 20-х годов XIXв. стали строиться новые предприятия, а к концу столетия произошло слияние небольших фабрик и заводов в группу хорошо оснащенных иностранной техникой механических, технических, металлообрабатывающих предприятий, насчитывавших более трех тысяч рабочих (ЦИГВИА, ф.401, оп.1890, д.3, лл.53-56). Но эти предприятия имели специфическое, не связанное с экономикой страны назначение. Однако они явились небольшими очагами подготовки кадров и руководителей промышленности. Впоследствии

некоторые из них, нажившись на руководстве государственной промышленностью, организовали свои производства (Дадияны, Мавримото и др.). По подсчетам Э.З.Карала (т.УШ, стр.455), к началу нашего века в стране, кроме государственных, имелось более 1500 предприятий, которые владели своим капиталом и стремились удовлетворить местные запросы, но только 60 из них имели современное оборудование. Причем 53,7% всех промышленных предприятий были сконцентрированы в Константинополе и 22,3% в Измире, а на долю всей остальной части страны приходилось всего 24%.

Большинство указанных предприятий даже в начале XXв. представляло собой больше мастерские, чем заводы, скорее мануфактуры, чем фабрики. Но, как известно, К.Маркс в истории капитализма относит всю предысторию капиталистической мануфактуры, период простой капиталистической кооперации, когда мануфактура находилась еще в зачаточном состоянии. Интересны в этом плане наблюдения Х.Окана (стр.11), установившего, что мануфактура в Османской империи начала складываться еще в ХУШв., и процесс этот сопровождался разорением ремесленников, часть которых попала на работу в мануфактуру, другая часть превратилась в пауперов. Особенно тяжелым был процесс разложения ремесленного производства, вызванный иностранной конкуренцией. А.Д.Новичев (стр.92) отмечает, что в первой половине XIXв. производство текстиля и шелка сократилось в Анатолии в десять раз. Но это не означает, как считает И.А.Добрынский ("Турция, Сербия и Болгария", СПб, 1914, стр.6), что иностранная конкуренция "убила окончательно не только всякую местную промышленность, а даже самую мысль о ее насаждении". К.Фишек (стр.40), указывая на пагубное действие иностранной конкуренции, находит, что часть частных предприятий в результате сотрудничества с иностранным капиталом оказалась более жизнеспособной. В других случаях их выручало то, что они имели местное значение и оказались вне сферы воздействия иностранных фирм. К последним относились предприятия по переработке скоропортящихся или нетранспортабельных товаров, занимавшиеся первичной обработкой грены, шкур, винограда, других фруктов. Продолжали развиваться

ся специфические местные виды производства: ковровое, восточных тканей, меди, изделий из железа, дерева, местной обуви, безделушек и других товаров, идущих также на экспорт.

Возрастающие потребности как внутреннего, так и внешнего рынков, несмотря на известные тормозящие факторы, в целом содействовали расширению ремесленного производства, увеличению числа станков и обслуживающего их персонала. По данным Я.Меламы (ЦГВИА.ф.2000, оп. I, д. 3818, л. 349), уже в 1870-х годах в суконном производстве Сирии было занято до 6000 рабочих, в Токате имелось 1500 станков, в Амасии — 2500, Мерзифоне — 3000. Города Багдад, Эрзерум, Трапезунд, Харпут, Битлис, Ван, Басра, "известны прекрасным производством сукна и тканей". По данным газеты "Бюзандион", на производстве манусы в Кайсери было занято около 3000 рабочих и работниц, а в Айнтапе — 6000 человек. В небольшом городке Арабкир, отмечает Г.Срвандзтян ("Торос Ахбар")¹, действовало 1600 станков по производству того же материала. О развитии капитализма свидетельствует и тот факт, что именно 70-ми годами К.Фишек (стр. 43-44) датирует первые выступления рабочих, выставлявших экономические требования.

Интересную картину формирования мануфактуры как капиталистического института дают исследования болгарских историков. Так, Н.Т.Тодоров (КСИС АН СССР, №23, 1958, стр. 74-76) устанавливает, что в "некоторых отраслях производства, обслуживающих потребности населения и находившихся вне конкуренции", таких, "к которым само правительство проявляло специальную заинтересованность, существовали условия для перехода к более высоким формам капиталистического производства". Несмотря на отрицательное значение "государственной регламентации", дальнейшая специализация цехов, втягивание их верхушки в торговлю подготовили условия для образования мануфактур. "Такое явление наблюдалось прежде всего в отраслях, связанных с производством товаров массового потребления", но в дальнейшем, в связи с выходом отдельных видов продукции за рамки

¹ Գ. Սրվանդյան, Թորոս աղբար Հայաստանի Օսմանորդ, Մասն Բ, Կ. Գոլիս, 1884, էջ 281:

местного рынка, происходило все более активное вмешательство капитала в ремесленное производство и, вместе с тем, его все большая капитализация (стр. 84-85). Поэтому, отмечает Н.Т.Тодоров (стр. 86), "болгарские цехи в первой половине XIX в. в ряде случаев стали очагами развития капиталистических отношений и представляли форму организации болгарской буржуазии". Аналогичная картина наблюдалась и в других районах Османской империи, в том числе в Западной Армении и особенно армянских поселениях крупных центров империи.

Отметим в этой связи и такое следствие и показатель развития капитализма как рост числа городов и городского населения: на рубеже XIX-XX вв. в Турции было 8 городов с населением более ста тысяч, 15 городов от 50 до 100 тыс. и около 120 городов, в которых проживало более 10 тыс. чел.¹ Быстро росли города побережья. По подсчетам А.Д.Новичева (стр. 117), их население выросло на 12,5%, а без Стамбула — на 56%.

Интересной особенностью отмеченных процессов является вовлечение турок в промышленное производство как в роли предпринимателей, так и рабочих. Из опубликованных недавно в "Миллиет" (21.IX.1970) данных Т.Чавдара видно, например, что капитал 284 промышленных предприятий, имевших пять и более рабочих, распределялся так: 50% их капитала принадлежало греческим предпринимателям при 60% занятых на этих предприятиях рабочих-греков; предприниматели — армяне владели 20% капитала при 15% рабочих-армян; евреи владели 5% капитала при 10% рабочих; иностранные предприниматели — 10% капитала, а турки-предприниматели владели 15% предприятий, действовавших в своей стране, при 15% рабочих-турок.

Таким образом, в изучаемый исторический отрезок времени капиталистические отношения переживали значительный процесс развития во всей экономике Османской империи. Но в ведущих отраслях производства и торговли инонациональная буржуазия занимала господствующие позиции, а мусульманская, в частности

¹ См. *Annuaire Oriental commerce, Industriel, Administration, Magistrature de l'Empire Ottoman, 1912, Constantinople, p. 40-48.*

турецкая, буржуазия переживала период своего становления.

В третьей главе — "Процесс формирования инациональной буржуазии и особенности ее развития" мы пытались наметить основные этапы истории буржуазии Османской империи, а также экономические и социально-политические позиции отдельных ее групп. В диссертации отмечается, что зарождение элементов капитализма относится к XVIII—началу XIX вв. и что дальнейшее их созревание отразилось на подстройке "османского общества" и привело к реформам, которые вошли в историю под названием "танзимата". Этот первый период формирования буржуазии характерен значительным процессом разложения феодальных отношений и становлением новых, именно капиталистических форм собственности. Государственный народ на данном этапе принимал пассивное участие в происходивших экономических преобразованиях. Наиболее характерная особенность этого процесса — содействие властей в приобретении земельной собственности мусульманами, в особенности турками. Как уже отмечено, последние до тех пор не участвовали фактически и в других отраслях предпринимательства, даже в торговле. "Греки, армяне, славяне, западно-европейцы, обосновавшиеся в больших морских портах, — отмечал Ф.Энгельс (т.9, стр.25), — держат в своих руках всю торговлю". А Мырмян свидетельствует (стр.46), что в 60–70 годах XIX столетия среди купцов-посредников, "пользовавшихся доверием крупных домов", уже были "турки, армяне, греки, евреи, болгары, грузины, черкесы, арнауты". Но, видимо, это — явление не массовое, и, здесь мы имеем дело с первыми серьезными всходами мусульманской, в частности турецкой, национальной буржуазии. Этот второй период истории буржуазии Османской империи завершается освобождением Болгарии и резким уменьшением влияния славянской буржуазии на экономику империи. Одновременно все города и часть сельскохозяйственных районов страны заметно втягиваются в растущие товарно-денежные отношения. На этом этапе происходит дальнейшее развитие буржуазии как немусульманских, так и мусульманских народов и борьба ее за завоевание политических прав (объявление конституции и шихата, национальных конституций-регламентов).

С 1880-х годов до младотурецкой революции, в третий пе-

риод развития буржуазии, при господстве феодальных отношений и несмотря на полукOLONIAльное состояние страны, позиции буржуазии сравнительно укрепились. Постепенно выросли удельный вес турецкой буржуазии как в производстве, так и торговле. За четверть века процесс становления переживала также буржуазия других мусульманских народов. Буржуазии греческой, армянской, еврейской кое-где пришлось потесниться.

Одновременно следует указать, что эти сдвиги до конца первой мировой войны не изменили общей картины, и в экономике империи ведущая роль продолжала принадлежать указанным группам инациональной буржуазии. Это объясняется в первую очередь тем, что основным источником, который длительное время и постепенно пополнял ряды турецкой буржуазии, был феодальный класс — землевладельцы и скотоводы, военнoслужачие и чиновники феодального государства — и менее всего слои, связанные с промышленным производством. В результате очень долго турецкий буржуа не терял связи с феодальной собственностью. Основная масса капиталов, принадлежащая растущей турецкой буржуазии, концентрировалась в сельском хозяйстве. Согласно наблюдениям Д.Авджиоглу (стр.121–123), многие малые и большие чиновники, представители мелкой феодальной знати стали крупными землевладельцами или капиталистами и приобрели состояние главным образом путем насилия, часто используя свое общественное и служебное положение. Эти обстоятельства на некоторое время и предопределили направление развития турецкой и мусульманской буржуазии. Выгода накопления капиталов была столь очевидной, что к нему обратились все, кто имел возможность. На первом плане по их социальной значимости находились представители турецкой высшей чиновничье-бюрократической аристократии, постепенно пополнявшие ряды буржуазии. По данным И.А.Чихачева (стр. II5), содержание указанной группы стоило государству шестой части доходов. В результате, отмечает Ф.Х.Тёкин, "появились классы, которые имели постоянные выгоды от финансового дохода от полукOLONIAльного положения Османской империи". Связываясь порождением феодально-деспотического строя и "полукOLONIAльного положения" империи, эти "классы", — продолжает Тёкин,

"видели свои выгоды в сохранении абдул-гемидовского режима"¹. Положение усугублялось тем, что это паразитирующее сословие включало в себя чиновников низших рангов, военщину, полицию и жандармерию — всех тех, кто обогащался при существующем режиме с его системой взяточничества, вымогательства и открытого грабежа. Еженедельник "Ерки дэин" (№8, 1906, стр. 14) свидетельствует, что особо широкий размах приобрело присвоение чужого имущества в дни организуемых властями погромов христианского населения. Так, в одном из его номеров (№6, стр. 12) приводятся имена четырех эрзерумских турок, которые в дни погромов 1895—1896 гг. стали обладателями огромных богатств, "накопленных" на скупке за бесценно разграбленного имущества и на открытом мародерстве. Несмотря на новые формы собственности и товарный характер производства, этой категории землевладельцев в области общественных отношений было выгодно консервировать пережитки феодализма, начиная от барщины и кончая всеми формами патриархальной эксплуатации. Поэтому отмеченные в диссертации социальные группы, являвшиеся составными элементами турецкой и мусульманской буржуазии вообще, в подавляющем большинстве были связаны с феодальной земельной собственностью, были слишком "феодалны" и по действиям своим, и по идеологии. Безусловно, произведенная градация носит несколько условный характер. Ряды буржуазии пополняли представители мелкой буржуазии, интеллигенции и других слоев турецкого общества.

В такой же степени данное определение распространяется на инациональную буржуазию. Однако определяющие социальные элементы, из которых она образовалась, были связаны с ремесленным и промышленным производством и обширной торговой деятельностью внутри империи и за ее рубежами. Мнение подавляющего большинства авторов сходится на том, что "ремеслами и торговлей — именно теми отраслями экономики, где скорее всего мог вырваться капиталистический уклад, занимались преимущественно не турки и даже немусульмане" (Д.Е.Еремеев, Этногенез турок, М., 1971, стр. 178). Инациональная буржуазия, как из-
I Tökin F.H., Türkiye'de siyasi partiler ve siyasi düşüncenin gelişmesi, 1893—1965, Istanbul, 1965, s. 30.

вестно, была сконцентрирована главным образом в крупных центрах, приморских городах, особенно в столице. Посредническая торговля с зарубежными странами находилась в ее руках. В ее рядах сформировалась основная часть так называемой компрадорской буржуазии. Исходя из вышеизложенного, в диссертации указывается, что процесс становления инациональной — греческой, армянской, еврейской — буржуазии в основных чертах совпал с классическими примерами зарождения европейской буржуазии. Среди указанных групп буржуазии, в частности предпринимателей, было большое число бывших ремесленников, мастеров и купцов — работодателей, разбогатевших на производстве, инженеров и техников, которые становились совладельцами предприятий и т.п. Конечно, некоторые представители нетурецкой буржуазии также происходили из кругов крупных землевладельцев, сборщиков налогов, мироедов-кулаков, ростовщиков и купцов. Но, как правило, большая часть инациональной буржуазии посредством торгового капитала быстро связывалась с производством, занимаясь также промышленной деятельностью, или же расширяла свои дела на основе капиталистического предпринимательства. Это было обусловлено как сравнительно высоким уровнем социально-экономического развития народа, который она представляла, так и наличием определенных контактов с городами, местными рынками, производством или представителями капитала указанных звеньев, успешность операций которых в свою очередь зависела от связанных с сельским хозяйством групп торговой буржуазии. Характер такой деятельности инациональной буржуазии поставил ее в оппозицию против османских феодальных порядков, сделал ее сторонником реформ и преобразований. Одновременно, преодолевая возникшие трудности, она продолжала расширять свое влияние в определенных сферах экономической жизни империи. Самая значительная ее группа — греческая буржуазия концентрировала в своих руках торговлю столицы, приморских городов и даже крупных коммерческих центров Анатолии. Она производила финансовые операции и вела основную часть торговли с западными странами. Преимущественно греческие купцы вели продажу пищевых продуктов, муки, сухофруктов и т.д. Им принадлежала значительная

часть промышленных предприятий, производство ковров, шелка и мануфактуры. По данным "Миллиет" (II. IX. 1970), греки занимали ведущее положение в руководстве ряда хозяйственных ведомств; треть членов Османской торговой палаты составляли греки; до Балканских войн греческое большинство руководило делами торгово-промышленной палаты; почти все мельницы Западной Анатолии, половине лесопильных заводов, большинство литейных и железодельных предприятий принадлежали греческим предпринимателям.

Начиная с 60-х годов XIX в. на поприще коммерции с греками стали конкурировать армянские купцы. Армянская буржуазия долгое время монополично вела торговлю мануфактурой, скобяными товарами, металлическими изделиями, топливом, отдельными бакалейными товарами; она расширяла поле деятельности в области финансов, ювелирного дела и торговли драгоценностями. Ремесленное производство в значительной части было сконцентрировано в руках армян.

Немалую роль играла еврейская буржуазия, державшая в своих руках значительную часть торговли, финансовых операций, кустарного промысла; она была серьезным конкурентом других групп буржуазии как в Азиатской, так и в Европейской частях империи.

В этой связи в диссертации показано имевшее место "разделение труда" между различными группами буржуазии Османской империи также в области внешней торговли. Так, со странами Запада торговали и в основном греческие купцы, а торговля с Россией находилась главным образом в руках армянских купцов и предпринимателей. Большое место в торговле с Индией, Ираном и странами Юго-Восточной Азии занимали арабские купцы и т.д. В дальнейшем, по мере развития турецкой буржуазии, точнее капитализации феодально-бюрократической знати Стамбула и других приморских городов, торговля с Европой начала переходить и в ее руки, превращая часть крупной турецкой буржуазии в компрадоров.

Рассмотрение этих тенденций в истории буржуазии Османской империи выдвигает два важных вопроса: вопрос о компрадо-

рах и связанный с ним вопрос о роли иностранного капитала в хозяйственной и социально-политической жизни империи.

Экономические интересы компрадорской буржуазии тесно связывали ее с империалистическими державами. Поэтому обычно ее считают агентурой иностранного капитала. Однако эта, в целом верная оценка, не учитывает экономический аспект деятельности компрадоров в "своей" стране. В условиях Османской империи компрадорская буржуазия стала одним из значительных каналов аккумуляции богатств, и в частности денег, которые в известной мере способствовали ускорению процесса первоначального капиталистического накопления. Детальное изучение фактов показывает, что компрадоры Османской империи не ограничивались лишь посреднической торговлей с Западом. В диссертации приведено немало примеров, подтверждающих тезис автора о том, что они занимались также банковско-финансовой деятельностью, строили промышленные предприятия или своим капиталом участвовали в расширении отдельных отраслей производства, в строительстве портов, дорог и т.д. И это вполне соответствовало естественному стремлению капитала расти и охватывать сферой своей деятельности все новые отрасли хозяйства. Одновременно, часть накопленных сокровищ и денег шла на пополнение обменного фонда мирового рынка, что содействовало развитию международной торговли и укреплению позиции капитализма повсюду.

Следует отметить, что распространенное мнение о том, что компрадорами являлись представители инациональной буржуазии может быть признано справедливым только для действительности XIX столетия. В начале нашего века, особенно после младотурецкой революции, верхушка турецкой национальной буржуазии и помещичье-бюрократической олигархии, используя завоеванную политическую власть, с возрастающей активностью вытягивалась в посредническую торговлю, постепенно вытесняя инациональную буржуазию. Подобное перемещение, выгодное иностранному капиталу, происходило с его благоволения.

История закабаления Османской империи, роль иностранных банков и внешних займов в превращении ее в полуколонию довольно подробно освещены в литературе. Поэтому мы ограничиваемся

лишь вопросом о влиянии банков, займов и частично внешней торговли на процесс формирования буржуазных элементов и об их роли в экономической жизни страны. Так, в самой влиятельной организации, представляющей интересы иностранного капитала, в "Управлении оттоманского долга", например, представители местной буржуазии были заведующими управлениями и отделами, членами административных советов, президиумов, просто служащими. Особенно возросла их численность в 1890-х гг., когда управление создало огромный аппарат (ф. "Канцелярия", д.25, л.112), состоящий "почти исключительно из турецких подданных - мусульман. На 4527 служащих приходилось 4172 мусульманина, 316 - христиан... и 39 европейцев". Последние, разумеется, руководили деятельностью остальных, но аппарат рос и в начале XXв. насчитывал уже более 5 тыс. чел., а вскоре 8 тыс.чел. При этом управление имело в каждом вилайете, санджаке и казе свои агентства, общим числом 728, руководство которыми поручалось местным дельцам (С.Маркисян, Положение западных армян в конце XIX века)¹. Укрепив свои позиции, последние, наряду с европейскими банками и по их примеру, стали постепенно субсидировать мероприятия турецкого правительства, а не султанского двора, как было до тех пор. Так, "Мурч" (1905, №2-3, стр.114) свидетельствует, что из общей суммы государственного долга на 1875г. 280 млн.франков (ок.88%) падало на иностранные займы и 38 млн. франков (более 12%) на внутренние. Через три года общая сумма долгов распределялась так, что консолидированный государственный налог составлял 191 млн.фунт.ст., неуплоченные проценты - 25 млн.ф.ст., бумажные деньги (каиме) - 16 млн.ф.ст., долги разным банкам в Галате - 12 мл.ф.ст. (ЦГВИА, ф.401, оп.2886, д.10, л.19). Чтобы погасить хотя бы часть долга по процентам, избавить рынок от обесцененных в 12 раз каиме и иметь деньги на текущие расходы, турецкое правительство заключило 10.XI.1879г. конвенцию с главными банками Константинополя и еще раз получило ссуду в 120 тыс.ф.ст., предоставив им за это право на "взимание и управление штемпельными сборами", налоги на

¹ Ս.Մարկոսյան, Արևմտահայրենի վիճակը 19-րդ դարի վերջերին, Եր.1968, էջ 39.

спиртные напитки, доходы от рыбной ловли в Константинополе и его округе, табачную и соляную монополию и десятину шелка в некоторых местностях империи (там же). Местные банки или финансисты, таким образом, приобретали обширные права контроля над хозяйственной жизнью страны и огромные доходы. Интересно при этом, что полученные доходы "вкладывались" вновь в государственный долг, приобщая тем самым галатских банкиров как к внутренним, так и к внешним финансовым операциям государства, обеспечивая им все новые и новые доходы. Неспособное руководить экономикой и финансами страны, османское правительство было вынуждено расширить функции контроля управления над экономикой. Это привело к тому, что накануне мировой войны в распоряжение "Управления оттоманского долга" поступало около одной трети всех доходов Турции, часть которых попадала в руки местных тузов.

Несмотря на то, что турки-служащие "Управления оттоманского долга", равно как и представители высшего чиновничества, прикарманивали немало денег, деятельность управления и других иностранных банков, акционерных обществ и компаний не могло не вызвать недовольства турецкой буржуазии. Следовательно, в то время как одна часть "османского общества" выступала против западного засилия, другая его часть ориентировалась на Запад; в то время как часть буржуазии Турции ратовала за реформы, другая ее часть блокировалась с феодальной реакцией. Такие парадоксы были особенно ощутимы в масштабе всей буржуазии Османской империи. Объясняются они многонациональностью государства османов, антагонизмом между отдельными национальными отрядами буржуазии и тем, что буржуазия как класс не представляла собой единого целого и делилась на различные группы. Каждая из них стремилась по своему воспользоваться "благами" европейского капитализма. Имевшая с ним довольно слабые связи, молодая турецкая буржуазия пыталась не отставать в этом деле, а использовать, помимо экономического, и другие каналы, в частности активность правящих верхов в расширении контактов с иностранным капиталом. Все реформаторские движения, начиная от танзимата, как отмечает О.Сенджер (стр.42), шли под девизом: "Поворот к Западу, заимствование западных институтов и прове-

дение реформ именно в этом направлении". Оно и неудивительно: процесс капитализации отождествлялся с понятием "европеизации". Поэтому неслучайно, что и современные турецкие историки и социологи отождествляют их. Типичны в этом отношении названия работ Т.З.Туньяй "Движение европеизации в политической жизни Турции" или Э.В.Карала - "Западнические движения" и т.д. Оценивая их, автор книги "На какой стадии европеизации мы находимся" Т.Мюмтаз (стр.13) отмечает, что главной целью всех реформ было внедрение "в основном западной цивилизации" и поэтому "были скопированы признанные как образ желаемой цивилизации законы, институты, обычаи и, особенно, одежда, образ жизни некоторых народов", конечно, народов буржуазной Европы. Начало постепенного перехода от феодализма к капитализму Куртан Фишек (стр.9-10) связывает с захватом Стамбула османцами в 1453г. По его мнению, со средних веков постепенная эволюция народов империи происходила под воздействием Запада.

Такое стремление к слепому копированию европейских образцов свидетельствует еще и о том, что нарождавшаяся турецкая буржуазия не успела осознать себя как самостоятельная политическая сила, чтобы выставить свои, исходящие из конкретных турецких условий, планы реконструкции "османского общества". Поэтому речь шла не о действительных реформах, а о том, чтобы теми или иными ираде или хатти шерифами "подновить" существующие в стране порядки. В этих условиях, отмечает И.Джем (стр.218), заимствованные европейские институты, пригодные для одних условий, оказывались непригодными для других, турецких условий и вели к дискредитации самой идеи реформ.

Автор считает, что причины отсталости Турции состоят в слепом копировании европейских образцов. М.Сенджер вслед за О. Барканом считает, что в отсталости Турции виновен иностранный капитал, который лишил "местный капитализм" условий развития. Т.Мюмтаз¹ и Э.Карал² обвиняют правителей империи в том, что "они не вели здоровой экономической политики", а Х.Джиллов (Экономика Турции, М., 1971, стр.30) отсталость Турции объясняет

1 Dr. Mümtaz T. Garplılaşmanın neresindeyiz? İst., 1961, s.19-20.

2 Karal E.Z., Osmanlı tarihi, cilt VIII, Ankara, 1962, s.452.

господством "консервативного образа мыслей"; Я.Абадан и Б.Савджи видят причины отсталости Османской империи в многонациональности населения и обвиняют... другие народы, в частности арабов, которые якобы висели на шее турок и тянули их назад¹; другие находят, что всему причиной - отход турок от норм шариата и т.д. и т.п.

На фоне всех этих субъективных объяснений выделяется мнение М.Сенджера. Так, он считает (стр.265), что турки не знали феодализма, и у них господствовал "азиатский способ производства", а поскольку капитализм - это продукт внутренних противоречий феодального способа производства, очевидно, что обычный путь развития капитализма здесь не мог иметь места; поэтому капиталистические отношения в Турцию привнесены извне (стр.278). Вполне понимая стремление этого прогрессивного турецкого историка, мы не можем, однако, обойти субъективизм акцентирования им роли внешнего фактора и игнорирование фактора вызревания элементов капитализма внутри "османского общества". В диссертации подчеркивается, что нет причин для противопоставления "азиатского способа" феодализму, что отдельные немаловажные причины застойности "османского общества" коренятся именно в специфике турецкого и восточного феодализма вообще. Поэтому причины медленного роста капиталистических отношений, малой эффективности реформ и усилий властей следует искать в самом общественном и государственном строе Османской империи. Следует одновременно отметить, что становление буржуазии в самостоятельный класс, в силу, направляющую экономику и политику страны, обычно совпадает с процессами формирования той или иной нации. Эта закономерность проявлялась в различных странах по-разному. В Османской империи греки, армяне, почти все народы Балканского полуострова во второй половине прошлого столетия переживали период формирования наций во главе со своей буржуазией. Турки и другие мусульманские народы переживали канун становления буржуазных отношений. Конечно, взаимовлияние было неизбежно, и оно имело место. Оно ускорило разложение турецкого феодализма и развитие капитализма. Но именно в этом про-

¹ Dr. Yavuz Abadan, prof. Bahri Savcı, Türkiye'de Anayasa gelişmelerine bir bakış, Ankara, 1959, s.29-30.

цессе, именно в этот период происходило усиление влияния европейского капитализма. В этом определенную роль играла также инонациональная буржуазия. Господствующие же круги и представлявшая ее интересы, а также интересы нарождавшейся буржуазии интеллигенция пытались перенести европейский капитализм в "чистом виде". Но, независимо от их воли взаимовлияние фактически происходило, однако оно было ограничено условиями военнофеодалного режима, господством религиозных и национальных притеснений в стране.

С точки зрения капиталистического развития, важной особенностью было то, что, несмотря на рост влияния турецкой и вообще мусульманской буржуазии на хозяйственную жизнь империи, общее ее отставание продолжало сохраняться, а самый процесс ее роста и развития были гораздо более медленными, чем у инонациональной буржуазии. Это соответствовало соотношению турецкого капитала с другими, а также доле инонационального капитала в экономике страны накануне первой мировой войны. В диссертации сделана попытка на основании данных имперского официального ежегодника 1912 года обобщить вышеуказанные данные и показать долевое участие турок, греков, армян и представителей прочих групп буржуазии в торговле, промышленном и ремесленном производстве, а также соотношение числа специалистов и финансистов по указанным национально различным группам буржуазии. Анализ соответствующих таблиц (248-252 страницы диссертации) приводит к следующим обобщениям.

В хозяйственной жизни империи греческий капитал имел господствующее положение. Ему принадлежало первенство (почти 50%) как в производстве и ремеслах, так и во внутренней торговле. Он контролировал более 40 процентов всех внутренних финансовых операций. Вслед за греками шли армянские предприниматели, торговцы и финансисты, державшие в своих руках примерно четвертую часть производства и торговли.

Турецкая буржуазия в торговле занимала, после отмеченных групп, а также евреев и левантийцев, четвертое место и контролировала почти 15% торговых операций и 12% производства. 80% скототорговцев являлись турками и около 40% продажи ковров

принадлежало им. Как видно, турецкая буржуазия, участие которой в торговле и производстве в середине прошлого столетия было мизерным, в начале XX века уже занимает определенные позиции в капиталистическом предпринимательстве страны. Характерно также, что приведенные в таблице группы специалистов представляли в основном инонациональную буржуазию. Но подавляющее большинство юристов - это турки и мусульмане. В рядах турецкой интеллигенции, помимо военных, чиновников, юристов, уже наблюдался значительный слой инженеров и техников, врачей и фармацевтов, финансистов и администраторов-экономистов. Безусловно, можно констатировать, что турецкая национальная буржуазия экономически окрепла и имела свой вес в хозяйственной жизни империи. Важнейшим обстоятельством для ее дальнейшего развития было то, что ее отставание от греческой и армянской буржуазии в области экономической вполне компенсировалось ее активностью в сфере политической.

Таким образом, наиболее характерные особенности формирования и развития буржуазии Османской империи по периодам, указанным в данной главе, заключаются в следующем: новые капиталистические отношения по своему социально-экономическому уровню могли представлять и представляли славянская, греческая, армянская, еврейская и другие группы инонациональной буржуазии, переживавшие в первый период процесс своего формирования. Естественно, разрушительное воздействие иностранного капитала в первой половине XIX века сказалось в основном на состоянии этих групп. Во второй период только начала формироваться мусульманская, в частности турецкая, буржуазия. Османская военно-бюрократическая верхушка вынуждена была идти на уступки, провести некоторые реформы и преобразования, которые укрепили позиции также развивавшейся инонациональной буржуазии. Последняя возглавила процесс становления своих народов в нацию. И, наконец, после русско-турецкой войны 1877-1878 гг. и освобождения Болгарии одна из влиятельных групп буржуазии - славянская, сошла с арены. Другие группы переживали этап значительного развития, а мусульманская и, особенно, турецкая буржуазия выходила на арену открытой деятельности, имея под своим контролем примерно шестую часть экономики империи и стараясь

вытеснить инациональную буржуазию с занятых экономических позиций. Перипетии борьбы вокруг этой цели относились уже к следующему, последнему этапу развития буржуазии империи, который и рассматривается в четвертой главе диссертации — "Экономическая политика младотурок и дальнейшее развитие инациональной буржуазии". Общим фоном для данной главы являются те политические события и некоторые социально-экономические преобразования, которые произошли в результате младотурецкой революции. Естественно, экономическая слабость и аморфность турецкой национальной буржуазии предопределили ее экономическую политику. Она характеризовалась консервативностью по отношению к феодальным институтам, была весьма расплывчатой и неопределенной по всем вопросам хозяйственного развития, а в своем внешнеполитическом аспекте — прозападнической. В.И. Ленин (т. 33, стр. 39) отмечал, что в этой верхушечной буржуазной революции массы народа с собственными "экономическими и политическими требованиями" не выступают. "Младотурок, — говорил он (т. 17, стр. 223), — хвалят за умеренность и за сдержанность, т. е. хвалят турецкую революцию за то, что она слаба, за то, что не пробуждает народных низов, не вызывает действительной самостоятельности масс, за то, что она враждебна начинающейся пролетарской борьбе в империи османов...". Поэтому победу младотурок В.И. Ленин оценил как (т. 17, стр. 177) "полупобеду или даже меньшую часть победы". Все это сказалось на последнем, четвертом периоде развития буржуазии Османской империи, который завершился вместе с крахом последней. Он характеризовался рядом своеобразных, часто противоречивых черт: дальнейшим усилением темпов роста национально различных групп "османской" буржуазии и капиталистических отношений; инациональная буржуазия продолжала играть ведущую роль, что привело к дальнейшему обострению противоречий и усилению конкурентной борьбы; впервые в истории представителям турецкой буржуазии была предоставлена реальная возможность влиять на экономическую политику правительства и вообще хозяйственную жизнь страны. В целом капитализм и буржуазия развивались быстрее, чем ранее. Но дальнейшее развитие инациональной

буржуазии было насильственно прервано. Ее большая часть была физически уничтожена или ограблена и прекратила свое существование как историческая категория, фактор развития. Словно подтверждая ленинскую оценку младотурок, доктор Назым говорил: "До 10 июля 1908г. комитет партии является революционной организацией в полном смысле этого слова. Он подготовил падение старого режима... Когда вспыхнула революция и конституция была провозглашена, комитет понял, что его революционная роль окончена и он должен отныне в своей работе следовать эволюционному и мирному методу (цит. по сб. "Пробуждение Азии", Л., 1935, стр. 44). Впрочем, ни о каких не только революционных, но и "эволюционных" преобразованиях и речи не было. Так, орган комитета "Единение и прогресс" газета "Мешверет" в передаче "Ерки дэйн" (№ 2, 1908, стр. 6) признавала, что младотурки "не имеют цели изменить религиозные и социальные учреждения нашей страны". Объясняя это социальной основой "младотурецкого движения и традиционным консерватизмом", лежащим в его основе и неотделимо связанным с ним, Фероз Ахмад отмечает, что младотурки, "будучи весьма консервативными в своих взглядах, практически не стремились к социальным реформам"¹.

В этой связи в диссертации показано, что младотурецкое движение нельзя рассматривать как некое единое социальное движение. Сами младотурки, в соответствии с интересами тех социальных групп, которые они представляли, делились, по подсчетам, например, Ф. Тёкина (стр. 31-52), на два десятка организаций, каждая со своими целями, лозунгами и "местными" требованиями.

Изучение программных документов младотурецкого движения показывает наличие в нем двух основных течений. Комитет "Единение и прогресс" во главе с Ахмедом Ризой и "Лига личной инициативы и децентрализации", руководимая принцем М. Сабэхэддином, отражали интересы различных группировок турецкой буржуазии, либеральных помещиков и мелкобуржуазных слоев турецкого

¹ Feroz Ahmad, The young Turks. The committee of Union and progress in Turkish politics 1908-1914, Oxford, 1969, p. 15.

общества. Ахмед Риза и его сторонники, тесно связанные с феодальными верхами и высшей бюрократией, не были последовательными борцами против феодального строя, поэтому их стремление к западной цивилизации и капитализму, будучи объективным отражением общего развития, носило компромиссный характер; по их убеждению, наличие конституционной монархии (даже с Абдул Гамидом во главе) — вполне достаточное условие для медленного, эволюционного развития и перерастания феодальной Турции в капиталистическую. Поэтому, отмечает Ю.А.Петросян ("Младотурецкое движение", М., 1971, стр.257), "младотурки-иттихадисты и их идеолог Ахмед Риза в основном отстаивали выдвинутые в 60-70-х годах идеи "новых османов" о том, что ликвидация абсолютизма, установление режима конституционной монархии и просвещение народа могут обеспечить экономический, политический и культурный прогресс Османской империи". Несмотря на разговоры о ликвидации абсолютизма, младотурки, отмечает Х.Окан (стр.29), были и остались монархистами и пытались "возродить загнившую Османскую империю".

Как это ни парадоксально, но более радикальными, хотя и недостаточно последовательными, оказались принц Сабахэддин и возглавляемая им "Лига", выступавшие против тиранической власти султана и феодализма вообще. Достойн внимания тот факт, что более половины младотурецких организаций и групп, действовавших до мировой войны, поддерживало основные принципы "Лиги", считая, что для свержения деспотии Абдул Гамида следует создать единый фронт всех оппозиционных сил турецкого общества и турецких народов. Поэтому в заявлении большинства младотурок на Парижском конгрессе 1902г. говорилось о "союзе между различными народами империи, который обеспечил бы, всем без различия, пользование правами..."¹. Сабахэддин считал, что в основе политических преобразований должна лежать система административной "децентрализации и широкого самоуправления" в законодательной, административной и финансовой областях. В этой связи, отмечает "Еркири дзайн" (№11, 1906, стр.3-4), он выдвигал вопрос об из-

менении налоговой системы и законов собственности. Сабахэддин был убежден (там же, №2, 1907, стр.3), что децентрализация развивает частную инициативу и предпринимательство, благодаря которым, по его мнению, христианские народы сумели поднять земледелие, ремесла и торговлю и оставили "намного позади уровень господствующей нации, и в результате между ними не осталось никакого общественного равенства". Сабахэддин требовал сосредоточить внимание турецкой молодежи на вопросах экономического развития страны и установления контактов с трудящимися и приветствовал народные выступления в Кастамону, Эрзеруме. Отмечая пробуждение турецкой деревни, он писал: "Именно союз земледельцев и просвещенных классов породит прогрессивное, свободное и солидное Османское государство" (ЦГВИА, ф.2000, оп.1, д.1002, л.154).

Впрочем, вопрос о характере Османского государства не конкретизировался. Младотурки не имели также четкого плана экономического развития страны, ограничиваясь туманными лозунгами об улучшении положения народных масс, упорядочении налоговой системы, обеспечении крестьян кредитами, регулировании отношений между рабочими и работодателями и т.д.

Их отношение к назревшим социальным проблемам хорошо иллюстрируется вопросами о земле, налоговой системе, в частности об ашаре. Прежде всего следует указать, что младотурки и не думали об изменении феодальных отношений в сельском хозяйстве. Специальными законами и ираде они объявили хозяевами земельных наделов всех бывших владельцев эмигрантов, своих сторонников или сочувствующих. Они сохранили огромные земельные владения за новыми землевладельцами, в том числе разбогатевшими за счет эмигрировавших по различным причинам лиц. Вернувшиеся либо получали свои прежние наделы и владения, если соглашался новый владелец, либо им выделяли новые участки. Для большей стабилизации положения феодалов и помещиков весной 1911г., обходя парламент, государственный совет вынес постановление, давшее право местным административным советам решать земельные споры. Этот неконституционный акт давал полную возможность обходить даже существовавшее земельное законодательство.

¹ Fesch Paul, Constantinople aux derniers jours d'Abdul Hamid, Paris, 1907, p.368.

Можно было лишь представить табу-сенети или привести ложных свидетелей и получить новый документ о собственности. Константинопольская газета "Азатамарт" (1911, №629) опубликовала прavitельственную телеграмму, разъяснявшую указанное постановление как проявление заботы о "сохранении нынешнего порядка вещей". В случае несогласия стороны могли обратиться в суд. А там вопрос решался с учетом отношения местных властей, общественного положения и богатства. Подобная "забота" в земельном вопросе объясняется тем, что составлявшие социальную опору младотурок либеральные помещики и национальная турецкая буржуазия и в новых условиях предпочитали вложить свои капиталы в землю и ростовщичество. К этому надо добавить растущую прибыльность купли и продажи земли, заинтересованность и готовность турок - богатеев проводить эти операции. Нужно учесть также традиции - богатство и знатность связывались с наличием больших земельных владений, от чего порою зависело также общественное положение того или иного лица. Для понимания общей политики младотурок интересен пример решения проблемы армянских земель, отобранных после погромов 1895-1896 гг. курдскими помещиками и беками, турецкими богатеями, гражданскими и военными чинами. Э.Ф.Найт (стр.198) считает, что проблема не была решена, сознавая необходимость "тактической политики распространить закон о праве давности даже на грабителей и не желая прибавлять еще курдского вопроса ко всем тем и без того многочисленным трудным вопросам", которые предстояло решать. В результате десятки тысяч гектаров земли не были возвращены прежним хозяевам. Им было обещано возместить потери за счет "свободных или запущенных" земель, что, конечно, не было выполнено. В результате такой политики, незаконные первой мировой войны подавляющим большинством землевладельцев на востоке империи были мусульмане, захватившие земли, как отмечает А.Алимов ("Пробуждение Азии", стр.8), "путем ничем не прикрытой" эксплуатации и насилия. Такая же картина наблюдалась на Балканах, где за исключением собственников земель, расположенных вокруг больших городов, крупные землевладельцы "почти все мусульмане" (Т.Хитрово, Европейская Турция, М., 1909, стр.78). При решении этого вопроса не принималось в расчет даже буржуазное пра-

во собственности. Господствующие круги пытались юридически оформлять изменения сперва "временным законом" 1913 г., расширением права купли и продажи собственности. Затем были приняты законы о межевании и создании земельного кадастра, об упорядочении системы владения мира, вакфов и т.д. (Н.Ленский, стр.13). Нежелание властей и мировая война многое оставили на бумаге. Однако, И.Джем (стр.224) считает обнародование этих законов актом "законодательного обоснования частной собственности".

В 1908 г. младотурки обещали упорядочить налоговую систему и довести ашар до размеров действительной "десятины". Но через три года оказалось, что это - задача будущего. В настоящее же время "будут лишь изучены средства для упразднения нынешних неудобств взимания и предотвращения жалоб налогоплательщиков...". Но пока многочисленные комиссии изучали "средства для упразднения нынешних неудобств", младотурки оказались в "нестерпимом финансовом положении" (ЦГВИА, ф.2000, оп.1, д.1017, л.10). В результате за один только год правления младотурок размеры ашара увеличились на 9 млн.лир, а темету - на 11 млн. лир; наряду с этим были "изысканы" и другие источники поступлений, давшие, по Ф.Ахмаду (стр.70), еще 20 млн.лир.

Весь государственный доход вырос почти на 40 млн.лир. Интересно при этом свидетельство "Восточного сборника" (ин. П, 1916, стр.70), что 28,6% доходов в 1911 г. пошло на погашение государственных долгов, 38,8% - на военные расходы; обе эти статьи расходов составляли 67,4% бюджета. Из оставшейся трети 60% шло на содержание двора, государственного аппарата, меджлиса, шейх-уль-исламата и лишь оставшиеся крохи - на развитие "экономики и культуры" (ЦГАВМФ, ф.417, д.4218, л.125).

Нельзя утверждать, что младотурецкие правители Османской империи не пытались содействовать развитию экономики. Начиная с 1909 г. было принято несколько законов о поощрении промышленности, таких, как предоставление бесплатных участков под фабрики и заводы, освобождение предпринимателей от обложения на 15 лет, разрешение на ввоз иностранного оборудования на тот же срок без пошлин и т.д. Но, во-первых, все это оставалось на бумаге; во-вторых, речь шла о развитии промышлен-

ности не вообще, а именно предприятий, принадлежащих турецким предпринимателям. "Вестник финансов" (№1, 1910, стр.33) сообщал об особых льготах предпринимателям с основным капиталом не менее 2000 лир и 25 рабочими, с условием, что "владелец завод, равно как и рабочие, за исключением одного или двух инструкторов, должны быть турецкой национальности". В-третьих, "содействие" турецкой буржуазии шло за счет интересов инациональной буржуазии, ее ограничения, а в дальнейшем и "экспроприации".

Не разрешив, таким образом, ни одной социальной проблемы, обеспечивающей нормальное развитие капитализма и самой турецкой буржуазии, младотурецкие лидеры пытались компенсировать это, как отмечает А.Ф.Миллер во "Всемирной истории" (т.УШ, 1960, стр.375), ее участием "в компрядорской торговле". Это привело к новому наплыву иностранного капитала в страну, следовательно, к дальнейшему сужению рынка для турецкой буржуазии. Вступление Турции в первую мировую войну привело к экономическому упадку и разрухе и, следовательно, новому сужению рынка. Особые надежды младотурки возлагали на возможность удовлетворения appetитов турецкой буржуазии за счет других народов империи. Вопрос этот обращает нас из области социальной политики младотурок в область их национальной политики.

Анализируя события младотурецкого движения, один из соратников В.И.Ленина Б.М.Кнуляц писал в газете "Бакинские вести" (№1, 4.УІ.1909), что "самые серьезные противоречия в общественной жизни Турции вызывались до сих пор национальными трениями". Их причины кроются не просто в конкуренции различных групп буржуазии на одном рынке, а именно в разности уровня развития турецкой и инациональной буржуазии Османской империи. Конечно, славянская, греческая, армянская и еврейская национальная буржуазия была таким же эксплуататорским классом, как и турецкая. Но первая была менее связана с феодальными слоями общества и больше страдала от феодальных порядков; в силу этого она была более оппозиционной и менее консервативной, чем буржуазия мусульманская, в том числе и турецкая. Уже одно это обстоятельство не могло не породить недоверия между инациональной и турецкой буржуазией. Поддерживаемое религиозными раз-

личиями, это недоверие выросло в новых условиях в национальный антагонизм. Поэтому, несмотря на факты совместных действий национально различных отрядов буржуазии империи и попытки союза в борьбе за демократию, каждый из этих отрядов имел свои цели, а интересы отдельных групп инациональной буржуазии имели то общее, что были одинаково направлены против османского деспотизма и шовинизма турецкой буржуазии.

Анализируя обстановку изучаемого периода в Турции, Р. Люксембург подчеркивала возникновение "естественного стремления различных национальностей вырваться из целого и инстинктивно искать путь к более высокому уровню социального развития в независимом существовании"¹. Идеи национального развития без турецкой тирании и произвола в новых условиях становятся велением времени и потребностью экономического, политического и культурного развития угнетенных народов Османской империи. Касаясь этого, В.И.Ленин рассматривал (т.26, стр.144) греко-турецкие войны и "армянские волнения" как "буржуазно-национальные движения или "судороги" освобождающегося от разных видов феодализма буржуазного общества...".

В литературе подвластных империи народов широко освещается отрицательная роль существовавшего режима. Товарищ Тодор Живков назвал ("Правда", 20.IX.73) период османского господства "веками страшного национального рабства", избавление от которого стало знаменем борьбы болгарского народа. Один из участников этой борьбы русский революционер С.М.Степняк-Кравчинский в письме П.Л.Лаврову (сб. документов "Освобождение Болгарии от турецкого ига", т.1, М., 1961, стр.94) отмечал: "Никакой социализм немислим в славянских землях до освобождения от турок". Власть турок такова, что невозможно "ни о чем думать, кроме ее уничтожения". После освобождения Болгарии массовые выступления имели место в Македонии и других районах Балкан. Оценивая значение побед балканских народов в их национально-освободительной борьбе против турецкого ига, В.И.Ленин подчеркивал (т.22, стр.187): "Таким образом, победы сербов и болгар означают подрыв господства феодализма в Македонии, означают создание более или менее
I Sächsische Arbeiter Zeitung, 9.X.1896, No.235.

свободного класса крестьян-земледельцев, означают обеспечение всего общественного развития балканских стран, задержанного абсолютизмом и крепостническими отношениями".

Следовательно, зарождение освободительного движения угнетенных народов Османской империи — это закономерное следствие их общественно-экономического развития и историческая необходимость, тем более неодолимая, что формирование буржуазии в самостоятельный класс, в силу, направляющую экономику и политику "своего" народа, обычно совпадает с процессом его консолидации в нацию. Поэтому Ф.Энгельс утверждал (т.22, стр.382): "Ни в одной стране господство буржуазии невозможно без национальной независимости". Выходило, таким образом, что стремление буржуазии тех или иных наций к господству должно было перерасти в борьбу за национальную независимость, за сокрушение феодальной Османской империи — пережитка средневековья.

Казалось бы, турецкая буржуазия как антифеодалная сила должна была содействовать этому разрушению остатков средневековья и если не предоставить угнетенным народам империи независимость, то по крайней мере обеспечить их национальные интересы. На первых порах в определенных кругах младотурок подобные тенденции наблюдались. Готовясь к захвату власти, они группировали вокруг себя различные оппозиционные организации инонациональной буржуазии, обещая то, что имела в виду идея "децентрализации". Но вместо удовлетворения их национальных чаяний угнетенным народам империи был преподнесен тезис, что-де в этой стране живут "не турки, арабы, армяне и т.д., а османы".

Не разрешив, таким образом, ни одной экономической и социальной проблемы, обеспечивающей развитие турецкой буржуазии, младотурки втянули страну в первую мировую войну, которая обернулась крахом империи, экономическим упадком и разрухой. Последние в свою очередь привели к дальнейшему сужению рынка и источников дохода. В этих условиях дискредитировавшие себя руководители турецкой буржуазии и феодальной знати решились на акт первого в истории человечества геноцида — физического истребления целого народа в интересах сохранения своего гнилого режима.

Это, естественно, не соответствовало ни интересам турецкого народа, ни интересам турецкой национальной буржуазии в целом, а было направлено на удовлетворение эгоизма кучки младотурецких авантюристов и мародеров. Таким образом, в годы господства младотурок периодически появлялись определенные благоприятные условия для развития многонациональной буржуазии империи. Однако политическое руководство страной стремилось к укреплению позиций лишь турецкой национальной буржуазии, применяя необычные методы вытеснения инонациональной буржуазии. Вследствие такой политики был нанесен весьма чувствительный экономический ущерб стране, который отразился на дальнейшем социально-экономическом и политическом развитии самой Турции.

В "Заключении" диссертации изложены выводы, обобщающие основные особенности формирования и развития инонациональной буржуазии.

1. Процесс формирования и развития буржуазии Османской империи в целом носил весьма затяжной характер и продолжался более полутора веков. Благоприятные объективные условия, могущие ускорить ход исторического развития, были нейтрализованы абсолютным господством феодальных порядков.

2. Определенное влияние на означенный процесс оказывало наличие национально различных групп буржуазии, свойственное и ряду других стран Востока. Это своеобразие особенно подчеркивает устойчивость национального фактора в период развития капиталистических отношений.

3. Господствующий турецкий и другие мусульманские народы в силу ряда причин в своем социально-экономическом и культурном развитии отстали от покоренного христианского населения. Это имело также решающее значение для процесса формирования буржуазии, который начался у первых примерно спустя столетие после зарождения капиталистических отношений в стране и протекал значительно медленнее, чем у инонациональной буржуазии. Прямым следствием этого было торможение общего процесса развития капитализма и буржуазии во всей империи.

4. Главные причины, определившие ход и темпы развития страны, классов буржуазного общества, кроются в общественно-экономическом и государственном строе Османской империи. Го-

сударственная собственность на землю, являвшаяся источником могущества и военной силы феодального государства, в поздние средневековье стала тормозящим фактором. Война и военные трофеи, будучи источником богатств, породили военно-бюрократическую касту, целый паразитический слой воинов-феодалов, которые после прекращения полосы войн оказались неприспособленными к новым условиям и занимались главным образом сбором налогов и административной деятельностью. Турецкая молодежь, обучаясь военному делу, как правило, не принимала участия в хозяйственной жизни страны. Заниматься торговлей, ремеслами считалось уделом покоренных народов. Эта картина характерна для всего периода существования империи, после крушения которой первый президент Турецкой Республики вынужден был объявить подготовку национальных кадров ремесленников первойшей государственной задачей. Турецкое феодальное государство последовательно выполняло отмеченные Ф.Энгельсом функции войны и финансов, уделяя треть своего бюджета армии и военным мероприятиям, обирая крестьян и все население страны разорительной фискальной системой. Гораздо меньше проявлялась забота о воспроизводстве и развитии экономики. "Экономическое движение, — указывал Ф.Энгельс (т.37, стр.417), — в общем и целом проложит себе путь, но оно будет испытывать на себе также и обратное действие политического движения, которое оно само создало и которое обладает относительной самостоятельностью. На экономическое движение оказывает влияние, с одной стороны, движение государственной власти, а с другой — одновременно с нею порожденной оппозиции". Энгельс считал, что "обратное действие политического движения" и, в частности, государственной власти может быть как положительным, так и отрицательным, препятствующим экономическому движению. Именно таким было влияние Османского государства на экономическое развитие империи и населявших ее народов. Острие этого явления в изучаемый период было направлено в первую очередь против инациональной буржуазии.

6. Превращение Турции в полуколонию усугубило тяжелое положение страны. Создался союз двух реакционных сил — феодально-теократического государства с империалистическими державами, препятствовавший экономическому развитию империи. И хотя верх-

ние слои инациональной буржуазии были тесно связаны с колониальной политикой империализма, народы в целом и их национальная буржуазия, как показал исторический ход развития, стали жертвами означенного союза, понесли большой ущерб, были разорены экономически, растворены или уничтожены физически.

7. Развитие капитализма на Балканах, в прибрежной полосе империи и в крупных экономических и политических центрах, деятельность инациональной буржуазии в целом привели к определенным положительным результатам. Со второй половины XIX века и до падения империи возникла, в определенной степени оформилась и стала действовать многонациональная буржуазия Османской империи как своеобразная историческая категория и фактор развития.

8. На этой основе в период младотурецкого движения, особенно среди христианских народов, у представителей инациональной буржуазии назрела идея создания федерации. Эта идея нашла свое отражение в программе и деятельности М.Сабэхэддина и его "Лиги децентрализации". Идея федеративного государства признавалась и поддерживалась передовыми деятелями и мыслителями как наиболее целесообразная и прогрессивная форма для многонациональной Османской империи. В.И. Ленин (т.22, стр.155) приветствовал здоровое стремление рабочих балканских стран бороться за осуществление лозунга "Федеративная Балканская республика". А марксистский журнал "Обозрение" (1909, №5, стр.188) считал, что идея федерации смогла бы подрезать "корни реакции гораздо успешнее, чем любые другие полумеры".

9. Однако историческое развитие пошло по другому руслу. Пройдя четыре периода развития, буржуазия Османской империи оставалась в национальном отношении разрозненной. Борьба за внутренний рынок, за господство в экономике происходила между турецкой национальной и инациональной буржуазией. Опираясь на политическую силу, первая сумела взять верх. Она прервала существование инациональной буржуазии как самостоятельного фактора. Используя методы насилия, феодальное государство и его институты, она обеспечила свое господство.

Вместе с тем в диссертации отмечается, что незрелость турецкого капитализма и национальной буржуазии стали главной причиной верхушечного характера социально-экономических преоб-

разований, имевших место в стране. Отмеченные обстоятельства вместе с тормозящей ролью османского государственного и общественного строя воспрепятствовали нормальному ходу развития капитализма и инонациональной буржуазии Османской империи.

Тема диссертации нашла своё отражение в следующих публикациях автора:

В.И. Ленин о народах Востока, "Востоковедческий сборник" Сектора востоковедения АН Арм. ССР, 1960, кн. I, стр. 9-38 (на арм. яз.).

В.И. Ленин и национально-освободительное движение народов Востока, "Известия АН Арм. ССР", 1960, №4, стр. 15-28 (на арм. яз.).

Б.Кнуянц о младотурецкой революции, "Известия АН Арм. ССР", 1963, №8, стр. 93-100 (на арм. яз.).

Изучение проблем новой и новейшей истории Турции и Ирана в Секторе востоковедения АН Арм. ССР, "Краткие сообщения Ин-та народов Азии", 1963, №73, стр. 219-222.

К оценке младотурецкого движения, "Востоковедческий сборник" Сектора востоковедения АН Арм. ССР, 1964, кн. II, стр. 216-240.

На суд истории (о политике геноцида младотурецкого правительства), "Известия АН Арм. ССР", 1965, №4, стр. 37-50.

В.И. Ленин о значении Востока, сборник "В.И. Ленин и национально-освободительная борьба народов Ближнего и Среднего Востока", Ереван, 1969, стр. 9-42 (на арм. яз.).

Ленинизм и современные проблемы национально-освободительного движения "Вестник общественных наук АН Арм. ССР", 1970, №4, стр. 34-41 (на арм. яз.).

О некоторых вопросах развития капиталистических отношений в сельском хозяйстве Османской империи, "Историко-филологический журнал АН Арм. ССР", 1971, №4, стр. 107-120 (на арм. яз.).

О некоторых предпосылках развития капитализма в Османской империи, "Вестник общественных наук АН Арм. ССР", 1972, №7, стр. 36-47 (на арм. яз.).

Турецкий и нетурецкий капитал в экономике Османской империи, "Вестник архивов Армении", 1972, №3, стр. 129-142 (на арм. яз.).